

АНДРЕЙ
УЛАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

И ВСЯ ФЕДЕРАЛЬНАЯ КОННИЦА

Андрей Уланов
И вся федеральная конница
Серия «Однажды на
Диком западе», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164591
И вся федеральная конница: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-19120-8

Аннотация

Вторая половина девятнадцатого столетия. В Америке разгорается гражданская война. Север против Юга. Свобода против рабства. Люди против... темных эльфов, а также троллей и гномов, придумавших технический прогресс, будь он трижды неладен. Короче, welcome to the Wild Wild West!

Содержание

От автора	4
Глава 1	7
1863-й, подвал близ порта, Тим	7
1863-й, пригород Парижа, Гарри и Салли	19
1863-й, карьер, Трой	25
1863-й, крыша особняка, Найр	32
Глава 2	38
Тимоти	38
Гарри и Салли	48
Трой	54
Найр	59
Глава 3	71
Тимоти	71
Гарри и Салли	80
Трой	87
Найр	105
Глава 4	113
Тимоти	113
Гарри и Салли	126
Трой	136
Найр	142
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Андрей Уланов

И вся федеральная конница

*Моему самому главному читателю и редактору,
моей жене.*

От автора

Когда я писал «На всех хватит!», первый роман из этого цикла, то примерно догадывался, какую обложку для него подберут.

Что будет на «Колдунах и капусте», мне было известно заранее.

А вот что нарисуют на этой книге, я даже предполагать не брался – в ней среди главных действующих лиц с персонажами женского пола не очень. Вернее, их нет вовсе. Так уж получилось.

Собственно, желание посмотреть на обложку этой книги и было второй по важности причиной, побудившей меня взяться за этот текст. Ну а первой и главной – мне просто нравится этот мир и те, кто в нем живет. Welcome to the Wild Wild West!

За помощь в создании этой книги автор благодарит Илью Рубинчика, участников форума VIF2ne Бориса Седова, Александра Москальца, Eugene.

Отдельное (и огромное) спасибо за использованные в Приложениях материалы Oban-y. (сайт <http://america-xix.org.ru/>) и автору книги «Гражданская война в США 1861–1865» Кириллу Малю.

Глава 1

1863-й, подвал близ порта, Тим

Ой, Большой! Большо-ой!

Чего у Неда не отнять – так это голоса. С виду-то мистер Худючка больше всего похож на оголодавшую вешалку, даже зимой, когда в пять слоев рванья кутается. Зато голосок у него иному гудку фору даст. Вот и сейчас орет он за добрых полквартала, а в нашем зеркале последний кусок стекла дребезжит.

– Большой!

Зеркала мне было жалко. Не для того я, считай, через весь город его тащил, чтобы оно через неделю от Недова вопля рассыпалось, – для Молли. Так она разве только в воде могла на свою мордашку взглянуть, вода же в гавани известно какая – дохлую рыбу в ней хорошо видно и дерьмо разнообразное. А тут настоящее зеркало, в литой рамке, и целого стекла в нем почти треть осталась, одним куском, хоть и треснутым.

– Ну-у, Большо-ой!

Ближе крики не становились – похоже, Нед откуда-то бежал, а сейчас притормозил рядом с лавкой Чилийца и надсаживает глотку, пока ноги отдыхают.

– Большой, в самом деле, вышел бы ты к нему, – предло-

жил Чак. – Он же не уймется.

Нед-то не уймется точно, упрямец он распрозверский. Да и зеркала жалко. Только...

– Выйти, говоришь? – произнес я. – А вы, значит, меня чинно-благородно ждать будете? Сложив руки на коленях и ни до чего на столе не дотрагиваясь.

Молли сдавленно хихикнула.

Стол у нас в подвале работала половинка деревянного ящика, сегодня накрытая ввиду торжественности случая газетой, а на газете стояли три бутылки красного греческого вина и лежала большая сырная голова. Вино, правда, было не очень – а если совсем откровенно, дрянь было вино, – ну да особенных иллюзий насчет него я и не питал. Что за вино можно в подвале у старого Функеля прихватить, знаем хорошо. Греческое, французское... как же, как же – если оно Атлантику и переплывало, то не иначе как в виде чернил.

А вот сыр был настоящий, мы с Лео его вчера ночью с голландского барка сперли! Здоровенная такая головка, и запах от нее шел просто восхитительный – я, пока нес, чуть на слюни не изошел.

– Большой, а хочешь, мы тебе твою долю отрежем? – взмахнул ножом Чак. – Прямо сейчас.

Вот эта идея мне уже понравилась больше.

– Бо-о-ольшо-ой!!!

– Давай, режь, – встав, я огляделся в поисках чего-нибудь подходяще-сумочного. – И бутылку одну я заберу!

– Эй, эй, мы так не договаривались, – возмущенно вскинулся Лео. – Бутылок-то три на четверых.

– А меня больше, – наклонившись, я подхватил с пола старую парусиновую сумку Рика-сказочника. Дыр в ней хватало, но не настолько здоровых, чтобы в них четверть сырины провалилась. – Если мерить в живых фунтах, мне вообще половина будет причитаться.

– Зато с нами остается дама, – возразил Чак.

– Ах, дама...

Дама. С дамой этой, если на то пошло, сам же Чак вчера из-за трески подрался.

– Ну, раз дама остается с вами – значит, вы двое, как настоящие джентльмены, с ней вином и поделитесь. Верно я говорю, Молли?

Молли смотрела на меня как-то... странно. Так, что мне даже вдруг не по себе от ее взгляда стало. На миг, не больше, – но пробрало.

– Возвращайся скорее, Большой, – тихо сказала она. – Пожалуйста.

– Можно подумать, – я осторожно – правый рукав уже неделю как держался на последних двух-трех нитках – натянул куртку, – куда деться могу.

Нед прямо извертелся, глядя, как я, не торопясь, поочередно прикладываясь то к бутылке, то к зажатому в ладони куску сыра, иду ему навстречу.

– Большой! Ты б еще через сто лет вылез! Ну!

– На, – протянул я бутылку, – глотку промочи для начала. И объясни толком, чего случилось.

– Шайка Белоглазого кого-то зажала! – Нед мазнул по рту рукавом и попытался было приложиться к бутылке еще раз, но попытка эта была пресечена мной сразу. – Вдесятером! На углу Корелли и Грин-стрит. Там и Гриф, и Пьер, и Марко-макаронник...

– А нам-то чего? – удивился я.

– Так они его в нашу сторону теснят! – выпалил Нед. – Ну, в смысле, наоборот, он в нашу сторону пробивается.

– Он? Один, что ли? – не поверил своим ушам я. – Черт, Нед, ну... и какого, спрашивается, ты орал? Его наверняка уже достали.

– Большой, а не скажи! – горячо возразил мистер Худючка. – Я тоже сначала думал – вот ща он... ща подставится, и все. Минуту жду, вторую, третью... гляжу, Ларс похромал куда-то, а этот... которого зажали... ну, вся толпа потихоньку на нашу сторону движется. Дай глотнуть!

– Пасть открой. – На этот раз я решил не выпускать бутылку из руки, а просто на миг опрокинул ее над разинутым ртом Неда.

– Все равно, зря ты орал. От угла до разбитой бочки футов триста. Против десятерых... девятерых, если без Ларса... это разве что мой папаша бы сумел. Ну, или кто-то вроде него.

– Большой, а пойдем глянем! – От возбуждения Нед начал прыгать вокруг меня, звонко хлопая отваливающимися

подметками. – Давай, ну давай! А если я прав и тот парень все же дерется, ты мне еще раз глотнуть дашь, идет?!

– А если он уже в сточной канаве валяется, – проворчал я, – тогда ты у меня первую же встречную лужу досуха вылакаешь, идет?

Ворчал я больше по привычке, чтобы Нед не возомнил, будто меня по любой ерунде можно дергать. На самом деле глянуть на парня, сумевшего не только устоять хоть минуту – насчет трех Нед, скорее всего, заливает, чем он мерить-то их мог, минуты? – против лучших бойцов Белоглазого, да еще и порезать Ларса... Я хочу это видеть, как говаривал в подобных случаях дедуля.

Идти было недалеко – и отчего-то, завернув за угол паркеровской лачуги и увидев, как ребята Белоглазого широким полукольцом обступают кого-то у соседнего каменного забора, я ничуть не удивился. И тому, что их осталось только семь, – тоже.

– Вот, я го... – Торжествующий вопль Неда перешел в почти неразличимое клокотание, когда мои пальцы – слегка, очень осторожно, – начали смыкаться на его шее.

– Тихо. Держи бутылку. Допивай все. Быстро. – Я убрал руку, и Нед немедленно, даже не отдышавшись толком, присосался к горлышку.

– Теперь стой здесь и не высовывайся.

– Большой, а может, за Питом сгонять?

На миг я задумался. Пит с Джонни и Михелем сейчас у

пристани, пока туда-сюда – здесь уже три раза все закончилось. С другой стороны, пользы в драке от мистера Худючки все равно не предвидится.

– Беги!

Нед испарился. Я отломил еще один кусок сыра, неторопливо перешел на противоположную сторону улицы. Прятаться нужды не было, парни Белоглазого по сторонам не смотрели – а хоть бы и смотрели. Нагнулся, выворотил из мостовой небольшой булыжник, положил его на подоконник, сняв взамен яблочный огрызок, и заслонил спиной. И лишь затем метнул огрызок в Марко – вполсилы, с расчетом, чтобы тот в его косматой шевелюре застрял, а не отскочил.

Попал. Марко испуганно мотнул башкой, увидел меня... выпучил на полрожи свои маслины и дернул за рукав стоящего рядом Грифа.

Гриф оглянулся... и выругался. Длинно, затейливо – как-никак девять месяцев оттарабанил юнгой на корабле Ее Величества.

– Что подельваем? – почти дружелюбно осведомился я и приник губами к пустой бутылке.

Теперь на меня начали оглядываться и остальные, но резкий окрик Грифа тут же развернул их назад.

– Большой! – Гриф облизал губы, сплюнул. – Большой... шел бы ты...

– Гриф... – Я вскинул голову: лениво плывущие над крышами облака были примерно того же гнусного, серого цвета,

что и камни мостовой. К вечеру дождь ливанет, определено. Подвал зальет... в прошлый раз Молли три недели кашляла.

– Ты вот у нас моряк, значит, в географиях разбираться наверняка умеешь. Объясни мне загадку: вы – здесь, а разбитая бочка, по которой граница считается, – во-он там, – я махнул бутылкой вдоль улицы, – в сотне футов дальше. Может, я чего не понимаю?

Кортик в руке Грифа летал словно сам по себе – взад-вперед, прямой хват – обратный. Однажды он меня этим режимом уже полоснул – и сумел удрать прежде, чем я собрался размазать его по доскам причала.

– Шел бы ты, – повторил Гриф. – Это наше дело.

– Сто футов назад оно было вашим.

– Большой...

Узкая полоска стали мельтешила все быстрее, но я следил не за ней, а за свободной, левой рукой. И когда та вдруг поползла вниз, сквозь прореху в штанине, – неужели он и впрямь думал, что я не знаю про *эти* ножны? – я качнулся, схватил давешний булыжник и метнул. На этот раз – в полную силу.

Гриф, разумеется, успел пригнуться, только никакой пользы ему это не принесло – потому что целил я не в него, а в отвернувшегося Марко. Бум, хлоп, бдзинь – это я разбил бутылку о стену, оставшись с посверкивающим острием горлышком. Шестеро против двух – играем?

Игры не получилось. Секундой позже один из парней Белоглазого – новенький, то ли Майк, то ли Марк – с диким воплем отлетел на середину мостовой, а из груди его при этом на добрых три ярда хлестнуло красным. Его сосед начал заваливаться набок – посвист, чавк, еще один фонтан... Я секунд пять непонимающе пялился на остановившийся в каком-то ярде от меня странный круглый предмет, прежде чем до меня дошло: это – голова.

– Ну же, крысы помойные! Кто еще хочет отведать доброй подгорной стали?!

«Крысы» не хотели уже ничего. Шаг, другой они пятились, а затем бросились бежать.

Только теперь я наконец смог увидеть, из-за кого же затеялось все это.

Чуть больше четырех футов ростом. В коричневом суконном кафтанчике и такого же цвета мешковатых штанах, аккуратно заправленных в зеленые остроносые сапоги. С большим заплечным мешком и бородкой, тщательно заплетенной в уйму мелких косичек. Синеглазый. Горбоносый. С небольшим походным топориком в руках.

Гном. Английский гном.

Два года, считай, их не видел, с весенней ярмарки в Дарлингтоне.

Он деловито вытер лезвие о рубаху безголового трупа, убрал топор в чехол на боку – и, пройдя десяток шагов, встал прямо передо мной.

– Ты помог мне. – Забавно, но при почти двойной разнице в росте я не чувствовал, что смотрю на гнома сверху вниз.

– Ну-у... помог.

– Почему?

– Ну-у... так уж вышло, – вряд ли имеет хоть какой-то смысл пытаться объяснить ему тонкости наших взаимоотношений с шайкой Белоглазого.

– Вышло. – Гном, чуть наклонив голову вправо, прошелся по мне взглядом сверху вниз и обратно. – Вышло так, что я теперь твой должник, человек... или не-человек?

– Частично человек, – буркнул я. Текущую в моих жилах кровь великанов скрыть, мягко говоря, трудно.

Должник... интересно, удастся ли выщарапать из этого должника хотя бы долларов тридцать?

– Имя мне Торк.

Последовавшая пауза была явно предназначена для меня.

– Большой имя мне, – пробормотал я.

– Да, маленьким тебя не назовешь, – удивительно, но, произнося эти слова, гном даже не улыбнулся. А вот взгляд его стал другим... более... оценивающим, что ли? – На берег этот я впервые ступил сегодня... – медленно произнес Торк. – Места здешние незнакомы мне.

– Да уж будь они тебе знакомы, – я и не пытался сдержать усмешку, правда, получилась она кривоватой, – ты бы навряд ли выбрал себе такую дорогу.

– Здесь, – Торк мотнул бородой в сторону лачуги Парке-

ра, – живут те, кто не любит гномов?

– Здесь, здесь, здесь... – я последовательно указал направо, прямо, налево и себе за спину, – живут те, кто не любит гномов, эльфов, орков, троллей, великанов и людей. Особенно – людей. Здесь не любят никого. Даже самих себя толком.

– А ты, – с интересом спросил гном, – тоже не любишь даже себя?

Я пожал плечами.

– Я ведь живу здесь, корот... гном.

Торк отступил на шаг. Вновь скользнул по мне взглядом вверх-вниз.

– И не желаешь переселиться куда-нибудь в еще?

Он так и сказал – «в еще».

– Гном, – вздохнул я. – Один раз я уже попытался переселиться. За океан, в страну бескрайних возможностей для молодых и сильных. А из-за... но вышло так, что возможности эти для меня пропали еще на полпути.

Вот ведь... стоило сказать – и руки ожгло холодом, словно кандалное железо вновь коснулось кожи. Я потер запястье, и этот произвольный жест наверняка кое-что подсказал внимательно наблюдавшему за мной коротышке.

– Слышал я, что эта страна весьма велика, – заметил он. – Неужели...

– Я, как ты видишь, тоже не маленький, – перебил его я. – И бесследно раствориться среди людей мне так же трудно... как человеку среди гномов.

А вот сейчас улыбнулся гном.

– Скажу я тебе, Большой, – с ноткой торжественности произнес он. – Что не подозреваешь ты, насколько легко спрятаться человеку среди гномов. Разумеется, – добавил он. – Если гномы захотят ему в этом помочь.

И совершенно по-человечески... подмигнул мне.

Думаю, грохот моего сердца сейчас можно было слышать за три квартала. А остатков самообладания хватило лишь на то, чтобы опереться спиной о стену.

– Если... захотят...

– Я, Торк, – голос гнома звучал на удивление негромко... обыденно, – сын Болта, сына Шкоута, от имени и по воле Клана Дальних Весенних Пещер Белой Горы предлагаю тебе, именуемый Большим, стать другом Клана. Принимаешь ли ты *наш* дар?

– Да, – выдохнул я.

А потом вспомнил – Молли!

А еще мигом позже вспомнил, как сидел рядом с ней, когда она металась в бреду, и раз за разом, час за часом пересыпал из ладони в ладонь горсть медяков... за которые любой мало-мальски приличный маг не взялся бы исцелять даже блоху.

Если... если я вырвусь сам, то смогу, обязательно смогу вытащить и ее! Остаться же...

– Да, – повторил я. – Я принимаю твой... ваш дар. И, Торк...

– Что?

– Имя мне... – глупо, но я с трудом заставил себя произнести эти слова: – Меня зовут Тимоти Валлентайн.

1863-й, пригород Парижа, Гарри и Салли

«Я появился как раз в нужном месте и в нужное время», – довольно констатировал Гарри. Добиться этого было не так-то просто – зато теперь ему, по сути, оставалось лишь наслаждаться зрелищем, ни о чем особо не беспокоясь.

«Париж стоит мессы», – заявил как-то раз один король. Или ему заявили – этого Гарри в точности припомнить не мог. Но как бы оно ни было – Гарри был категорически не согласен с Генрихом Наваррским. Париж не стоил мессы... точно-точно, этот никчемный городишко, по мнению Гарри, и пяти центов не стоил.

Мнение Салли на сей счет было несколько иное. Впрочем, он всегда был дальновиднее – и эта встреча исключением не стала. Высокий и худощавый уроженец Кентукки – без особого труда, как шутили его приятели, могущий спрятаться за телеграфным столбом, – Гарри был весь, до кончика пера на шляпе, покрыт серой дорожной пылью, которую он с самого утра старательно перемешивал сапогами. А Салли ехал мимо него верхом... следовательно, глядел сверху вниз и вообще имел более широкие возможности по части кругозора.

Ехал Салли верхом на шесте, а деготь и перья составляли не только его одежду, но и все остальное как движимое, так и недвижимое имущество. Прочее было конфисковано добры-

ми парижанами. Благодаря этому Салли твердо знал, сколько стоит город Париж, штат Огайо¹, – и был весьма сильно настроен взыскать с этого города полную стоимость конфискованного... в десятикратном, а лучше – в тридцатикратном размере. Когда-нибудь. Должны же когда-нибудь и для него наступить лучшие времен... а-а-а, плюх!

– Они ушли?

– Ушли, – подтвердил Гарри.

– Ну и долго ты собрался здесь валяться? – куда более раздраженным тоном осведомился он десятью минутами позже.

– Пока ангел не вострубит! – провозгласили из канавы.

Гарри коротко хрюкнул.

– Думаю, – ехидно сказал он, – лежа в этой канаве, ты дождешься разве что армейского вербовщика.

– Тоже неплохо, – отозвался Салли. – Мой кошелек нуждается в пополнении, а сто монет...

– Твой кошелек нуждается в появлении! – перебил его Гарри. – А деньги военных... сколько раз ты уже «поступал» так под федеральные знамена? Восемнадцать?

Салли задумался.

– Семнадцать, – после минутной паузы произнес он. – Ну да, семнадцать. Ту историю в Коннектикуте я не считаю, сам знаешь почему.

– В любом случае, – заметил Гарри, – в твоём нынешнем

¹ Собственно, в США трудно найти штат, в котором город Париж отсутствует хотя бы в одном экземпляре.

виде ты годишься разве что для Хиггинсона².

– Намекаешь на мой прискорбный вид?! Нет чтобы протянуть руку помощи другу...

– Руку я тебе не протяну, – усмехнулся Гарри. – Обойдешься и веткой.

– Брезгуешь...

– Руки – мой рабочий инструмент.

– Рукава твой рабочий инструмент! Вернее, то, что в них запрятано.

Упрек был не совсем своевремен. Во-первых, потому, что хитроумный механизм, доставляющий в ладонь хозяина либо карты, либо крохотный, но вполне убойный пистолетик от Генри Дерринджера – ведь никогда не знаешь заранее, какой туз тебе пригодится! – сейчас мирно лежал в мешке. Во-вторых, тонкие пальцы Гарри сами по себе могли сотворить с колодой чудеса и посильнее.

– Брезгуешь...

– Именно. И нечего поджимать губы, толстяк. В эту канаву...

– В эту юдоль земную столкнули меня происки Врага Рода Человеческого! – вскричал Салли... падая обратно в канаву.

– Патетика – так это называется, верно? – Шулер снова хрюкнул. – Меньше размахивай руками, приятель. И не вали

² Гарри намекает на Томаса Хиггинсона, который в январе 1863 года сформировал из негров 1-й добровольческий пехотный полк Южной Каролины. (Я ужасно не люблю, когда сноски расползаются на добрых полстраницы, поэтому здесь и кое-где далее более подробный комментарий см. в Приложении 1. – Автор.)

на рогатых бедолаг то, в чем виновата исключительно твоя собственная жадность.

– Я?! – Оскорбленной невинности в голосе Салли с лихвой хватило бы на дюжину монашек – и еще б осталось на Вирджинские острова.

– Ну ведь не меня жители этого городишки захотели покатать на шесте.

– Эти жалкие, ничтожные...

– ...сутки напролет просидевшие в нужниках, – весело продолжил его собеседник. – Чувствуя себя при этом... гм, как бы это сказать поярче? Быками на выданье? Распаленными жеребцами? И при этом боясь лишний раз шевельнуться – дабы не исторгнуть очередной поток дерьма... Эх, Салли, Салли, – Гарри укоризненно качнул головой, – сколько раз я повторял тебе: коль уж решился взять воду из ручья, не поленись вскипятить.

Достойного ответа у толстяка не нашлось – поэтому он ограничился взглядом, в котором проницательный наблюдатель мог бы отыскать целую гамму различных чувств... и чувство благодарности среди них было где-то в хвосте, а то и отсутствовало вовсе.

– Ты вообще зачем сюда приперся, а? – с вызовом осведомился он, подбочениваясь – жест, с учетом наряда из перьев и дегтя выглядящий крайне комично. – Поиздеваться всласть? Увидеть, как меня на шесте волокут? Да?!

– Не без этого, – спокойно отозвался Гарри. – Возник-

ла даже мыслишка организовать продажу билетов на эдакое представление, да только не ясно было, чем именно торговать. Местные, чтоб ты знал, до вчерашнего вечера не могли решить – то ли прокатить вашу милость, то ли попросту вздернуть.

– Знаю, – толстяк вздрогнул, – все эти дебаты, тролль их забодай, протекали как раз под окнами моей камеры. А поскольку отпереть замок булавкой у меня не вышло... Б-р-р-р, до чего же кроважадными бывают иной раз мирные с виду обыватели! Клянусь, по сравнению с некоторыми из них орки Запретных земель – милейшие существа, ей-ей, светочи доброты и милосердия.

– Не знал, что для тебя это новость, – хмыкнул шулер. – И учти, тебе еще повезло, что твоя Истинно Чудесная Магическая Возбуждающая Настойка Гносфекрату предназначалась для мужчин. Пострадай от нее женщины, ты бы сейчас и в самом деле завидовал тем, кто попал в лапы зеленошкурных.

– Ты одежду принес?

– Не-а. Я принес тебе обмылок и весть. Благоую весть – о том, что в полутора милях отсюда течет ручей, а еще чуть дальше посреди поля торчит чучело, обряженное в тряпки подходящих тебе размеров.

– Что-о-о?! Ты предлагаешь потомку герцога Орлеанского унизиться до... никогда, слышишь ты, ни-ког-да!

– Знаешь, – задумчиво произнес Гарри. – За годы нашего знакомства я так и не смог углядеть в тебе хоть какие-нибудь

аристократические приметы – а вот мысли по поводу наличия у тебя родни среди троллей всплывают часто.

– Троллей?! – непонимающе переспросил толстяк. – Но... с чего?!

– Они большие, – пояснил Гарри. – И сильные. Им подобные выходки сходят куда как менее болезненно.

1863-й, карьер, Трой

– Ты... ты... – Десятник Шел на пару мгновений замолчал, пытаясь найти для стоящего перед ним... существа наиболее точное определение. Факт весьма редкий – обычно у десятника таких проблем не возникало, но и случай был, что называется, из ряда вон. – Ты... безмозглая замшелая каменюка! Ты хоть понимаешь, ЧТО СДЕЛАЛ?!

– Моя вовсе не каменюка! – угрюмо возразил Трой. – У моя есть мозги, которыми моя понимает! А сделал я то, что приказали.

Он тоже понемногу начинал злиться – на себя. Учишься-учишься нормально говорить по-человечески, и вот на тебе – стоит лишь самую малость разволноваться, как вновь сбиваешься на жаргон. А из-за чего, спрашивается, волноваться?

– Что приказали?! Х-хосподь милосердный!

Интересно, подумал Трой, видит ли еще кто-нибудь, что десятник Шел сейчас похож на крышку от кипящего чайника? По крайней мере, подпрыгивает он ну очень похоже. Может, в прошлом перерождении он и был чайником? Или паровым котлом? Возможно ли, что надсмотрщики – это новое воплощение паровых котлов? Надо будет хорошенько продумать эту идею, решил Трой, она выглядит весьма перспективной...

– Тебе приказали взорвать завал, один-единственный, маленький такой, крохотный завальчик! А ты... куда глядишь, ублюдок зеленый! На меня смотри! Нет, на дело твоих кривых зеленых лап!

На дело своих лап Трою смотреть было неинтересно. Хотя посмотреть было на что. «Пожалуй, – самокритично признал он, – я и в самом деле немного переборщил с зарядом. Догадывался ведь, что склон хлипковат... но ведь я – не гном. Я люблю, чтобы БУМ выходил большой...»

– Может, – продолжал надсаживать горло десятник, – ты даже знаешь, сколько монет выбросил на ветер своим долбаным взрывом?! А?! Нелюдь пупырчатая?! На меня смотреть! Даже вкалывая на Компанию до конца следующей Эпохи, ты не покроешь ущерб...

Десятник вдруг замолчал. «Нелюдь пупырчатый» наконец соизволил выполнить его приказ – и Шел Кларк запоздало сообразил, что перед ним стоит не просто кретин-работяга, а существо, превосходящее десятника раза в два – ростом и минимум в четыре – массой. И что разъяренного тролля остановить можно лишь прямым попаданием пушечного ядра или фэйрбола, да и то не всегда.

– Согласен, – неожиданно спокойно произнес тролль. – Я не покрою ущерб. Я не буду работать на Компанию Спитхедских Утесов до конца следующей Эпохи. Я увольняюсь.

– Что-о-о-о?!

– Я употребил неправильное слово? – озабоченно спросил

Трой. – Знаю, мой человеческий...

Десятник Шел Кларк взорвался.

К сожалению доброй трети простых рабочих Компании Спитхедских Утесов, этот взрыв не был похож на учиненный Троем – то есть десятник Шел не исчез в вихре огня и дыма и не разлетелся с очень громким БУМ! на много-много очень мелких фрагментов. Хотя, случись поблизости обитатели райских куш, они б вполне могли заполучить от извергаемых десятником богохульств тепловой удар.

Пятью минутами позже Трой решил, что десятник Шел в прошлом перерождении был не чайником, а вулканом. Паровые котлы взрываются иначе, а вот столь продолжительное извержение характерно именно для вулканов.

Еще через шесть минут десятник начал повторяться.

Троль зевнул.

– Очень интересно, – сказал он. – Особенно хороша была та часть монолога, в которой вы рассказывали о предпочтениях моего дедушки. Только вот насчет самок гиен... насколько мне известно, эти животные водятся в Африке. Возможно, койоты...

– А может, это был кондор? – выкрикнул кто-то из толпы за спиной тролля.

Трой не мог пожаловаться на отсутствие воображения, однако любовный акт между троллем и кондором находился для молодого тролля за гранью представимого – как, впрочем, и примерно 95 процентов из перечисленного десятни-

ком. Занятно... дома, в Запретных землях, гоблы и орки также не упускали случая позлословить насчет более одаренных богами существ, однако «интимные» – Трой поправил шорты – темы при этом практически не затрагивались. Возможно, люди более остро воспринимают свою ущербность в данном вопросе? Или... или десятник пытается таким способом намекнуть на свои предпочтения? «Если так, – подумал тролль, – мне придется его разочаровать – ведь мой опыт межрасового секса еще более ограничен. Да и... я, конечно, изрядно соскучился по некоей очаровательной троллочке, но чтобы рассмотреть десятника Кларка в качестве адекватной замены... нет, нет – не раньше конца следующей Эпохи».

– Вы и в самом деле настолько не хотите расставаться со мной?

Наверное, ударь Трой десятника сосновой дубинкой – любимым оружием своего дедушки – и то ему вряд ли удалось бы добиться оглушающего эффекта, сравнимого по силе с этим, заданным *участливым* тоном и, по мнению тролля, вполне логичным вопросом.

Десятник отступил на шаг, открыл рот и замер. Неподвижность его была столь полной, что, будь на месте Шела кто-нибудь из сородичей Троя, тролль бы всерьез обеспокоился – не начался ли у собеседника процесс окаменения?

Но Шел Кларк был человеком, и поэтому о причинах его неподвижности Трой мог лишь гадать – причем безуспешно.

Десятник Шел Кларк, в общем-то, дураком не был. Дура-

ки, пусть даже злобные, могли щелкать кнутом по рабским спинам где-нибудь на Юге. Но чтобы удержать в относительно повиновении несколько сотен голов ирландско-итальянского сброда, вдобавок щедро разбавленного нелюдями, мало уметь орать так, чтобы эхо гуляло по карьере не меньше минуты, и кастрировать блоху в прыжке ударом кнута. Приветствуются также навыки счета и письма, но главное – нужно быть не просто сукиным сыном, а Мистером Чертовски-везучимсукинымсыном!

Шел и считал себя таковым – до недавнего времени, а точнее, до встречи с Троем. Увы, но воскресная школа в Мэриленде и последующие восемнадцать лет далеко не самой спокойной жизни внушили десятнику твердое убеждение – сотворенная Врагом нелюдь порой бывает хитра, однако умом, интеллектом ей не может быть дано превзойти созданного «по образу и подобию». И заработанные в поте своего богомерзкого рыла деньги эта нелюдь должна немедленно спускать на дрянную выпивку в салуне – а не мотаться в город за *книгой*! Факт покупки троллем книги сам по себе изрядно подточил имевшуюся у десятника схему мироздания. Еще более ужасающим стало известие об отсутствии в оной книге картинок. И, наконец, уже никакому – с точки зрения десятника – объяснению не поддавалось то, что еще через месяц книг в мешке тролля стало две! Нет, не так – ДВЕ! Одна и еще одна – так ведь и до библиотеки недалеко.

Впрочем, все это были мелочи. А вот если бы кто-нибудь

взвалил на себя нелегкую миссию по разъяснению, что на самом деле являет собой увесистый том в синем переплете, дело могло бы обернуться куда серьезнее. Но, к счастью для Шела Кларка, в радиусе трех десятков миль от карьера Трой был единственным существом, могущим объяснить, кто такие Шопенгауэр и Маркс, – и потому апоплексический удар обходил десятника стороной... до сегодняшнего дня.

Сейчас же десятник на миг почти поверил, что проклятый зеленошкурый попросту издевается над ним. Корчит из себя кретина, а сам втихомолку ржет... ну ведь даже тролль не может быть *настолько* глуп? Или все-таки может?

В любом случае, решил Шел, продолжать разговор с *этим* – более чем бесполезно.

– Ну ладно, каменная башка! – медленно процедил он. – Посмотрим, какие песни ты запоешь, когда я прикажу схватить тебя и бросить в яму. Думаю, пара недель без жратвы научит...

– Прощенья просим, мистер Кларк! – насмешливо произнес одноглазый гоблин справа от десятника. – Но, ежели не секрет, кому вы собрались приказывать?

– Ты, поганый у... – осекшись, Шел резко крутанулся.

Еще миг назад он был свято уверен в том, что позади него угрожающе хмурится троица головорезов – приличия ради проходивших в ведомостях как охранники – с ружьем, магическим жезлом и заговоренными кандалами наготове. Однако сейчас глаза десятника упорно твердили своему владель-

цу, что из всего вышеперечисленного на деле наличествуют лишь кандалы да одна-единственная черная шляпа с наполовину оборванными полями.

– Схватить и бросить в яму, – задумчиво повторил Трой. – Интересная мысль.

Место их с десятником Кларком «беседы» и местный карцер – накрытую решеткой яму – разделяло почти три десятка шагов. Вдобавок мышцы рук у тролля до сих пор ныли, ведь шурфы под заряды Трой выдолбил в одиночку. Десятник же весил чуть больше пятнадцати стоунов, да и форму его трудно было счесть идеальной... с метательной точки зрения. Так что тролль не слишком удивился, разглядев, что мистер Шел Кларк совсем немного, футов пять, а то и меньше – но все-таки недолетел до ямы. Что ж... – Трой вздохнул – он старался, очень старался.

– Бросок экстра-класса! – Трой не сразу сообразил, что выставленные одноглазым растопыренные пальцы – это подцепленный гоблом у людей одобряющий жест.

– Теперь-то, приятель, уж точно можешь считать себя уволенным!

1863-й, крыша особняка, Найр

Считается, что темные эльфы любят полнолуние. В это верят люди, гномы... возможности расспросить наших светлых сородичей мне пока не выпадало, но я почти уверен, и они разделяют это, кгм, убеждение на букву «з» – глупость вполне подходящего для их куцых умишек масштаба.

Но первым наверняка был человек. Только представитель этой расы мог догадаться спроецировать повадки оборотней и вампиров на существ, мягко говоря, совершенно иного порядка. Гном все же мог хотя бы попытаться воспользоваться логикой и подумать – а зачем, собственно, расе с близким к абсолюту ночным зрением испытывать какие-то теплые чувства к болтающемуся в небе фонарю?!

Когда я мучился, то есть отбывал ученическую повинность в Доме Шуаль, мне довелось – наставник Юх-х переваривал мой юмор еще хуже, чем булавки, заботливо подкладываемые в его любимые вишневые пончики, – ознакомиться с «Песнью о Лунной Схватке». Свиток в полмэллорна. Другой на моем месте заучивал бы его наизусть лет тридцать – но у меня уже тогда была хорошая память... на мелкие, но полезные заклинания вроде «Память-на-день!».

В «Песне» пелось – точнее, заунывно вылось, иного слова я к этой манере исполнения позапрошлой Эпохи не подберу при всем желании – о попытках тогдашнего Сидящего-даль-

ше-всех Шуаль решить проблему ночного светила. Наиболее успешной была первая – сотня демонов без особых усилий перекрасила луну в цвет сажи. К несчастью – как для главы Шуаль, так и всех нас, – их Дом в те времена состоял в кровной вражде с Ноими. Маги Ноими умели призывать демонов ничуть не хуже колдунов из Шуаль, и демоны их были не слабее... или не их, в «Песне» эта деталь не уточнялась, но я всерьез подозреваю, что все покрасочные работы выполняла одна и та же демокоманда, поочередно вызываемая магами враждующих Великих Домов. Еще бы – работа хоть и в самом прямом смысле пыльная, но зато регулярная. Прошлой ночью зачернил, следующей – очистил... впрочем, еще в первый раз Ноими приказали очистить не всю луну. Некоторые участки остались черными – участки, при взгляде с Земли складывающиеся в рунную надпись. Точный текст в «Песне», разумеется, не воспроизводился – но если вдуматься, что могло там быть? Глава Шуаль – и еще пять рун, тут с времен К'енрая³ ничего не менялось.

Подозреваю также, что представители прочих разумных и не очень рас весьма нервно реагировали на происходящие с лунным ликом, кгм, изменения. Кроме, разве что, гномов – этим в те времена было глубоко безразлично происходящее

³ **К'енрай** – легендарный шпион темных эльфов в Лориэне, во время Войны Облака состоявший в свите Галадриэль. Согласно неподтвержденным, но упорно циркулирующим устным преданиям, вырезание помянутых пяти рун в сочетании с именем Владычицы на стволах мэллорнов Зачарованного Леса было любимейшей забавой К'енрая.

на поверхности, лишь бы воздух был для дыхания пригоден да цены на продовольствие не задирали.

Финал же «Песни» был изрядно скомкан. Как в прямом – я порядком намучился, пытаюсь разглядеть свиток до более-менее читаемого состояния, – так и в литературном смысле. Похоже, Шуаль и Ноими практически одновременно пришли к мысли, что их перебранку следует заканчивать... и столь же дружно решили проделать сие наиболее радикальным способом. Однако... то ли взаимопересечение заклинаний дало такой эффект, то ли в игру вмешался кто-то сторонний – например, наши светлые «родственнички»... но в итоге луна, как может убедиться любой, по-прежнему отравляет своим сиянием бархат ночных небес. А вот Фаэтона в этих небесах теперь не сыскать. Равно как и Атлантиды с Лемурией – на картах. Да, были маги в ненаше время – не чета нынешней мелюзге. Эти-то не луну – лампу над кроватью своей магией не всегда погасить сумеют. Зато гонору... а уж до чего порой опускаются...

К примеру, хозяин особняка, на крыше которого я в данный момент пытался заработать лунный загар, пробавлялся изготовлением всяческих экзотических снадобий. Занятие, по моему мнению, куда более приличествующее травнику, в крайнем случае – ведьме, но уж никак не магу третьей степени посвящения.

Хотя, конечно же, за изготовления афродизиаков из вампирьих клыков рискнет взяться далеко не всякий травник. И

мало у какой ведьмы хватит подлой трусости устроить для получения упомянутых ингредиентов «инкубатор».

Кстати, о... большая поджарая тень неторопливо вышла из-под старого клена, сверкнула багровым пламенем глаз, оскалилась... вскинула морду, должно быть все же услышав свист рассекаемого воздуха...

...и умерла. Я выпрямился, продолжая сжимать в руке серебряный кинжал... чистый. Опасливо покрутил ступней – все же прыжки с крыш особняков на спины псам в число моих любимых занятий не входят, ибо хрупкие кости дороги... как память о поколениях темноэльфийских предков. Нет, похоже, хрустел исключительно пес. Халтурная работа, что еще тут сказать. Для полноценного пса-вампира сломанный хребет – это всего лишь повод с удвоенной энергией броситься на обидчика, а уж никак не отбросить лапы. По крайней мере, покусившаяся на меня в парижских катакомбах овчарка вела себя именно так – и будь я в тот день один... впрочем, та псина и не стала бы тупо дожидаться, пока ей на спину опустятся две туфли.

Вторую «мясницкую собаку из Ротвейля» я нашел – точнее, она нашла меня, на свою погибель, – сразу за углом. Третьего же – почти рядом с парадным входом. Этот, отдаю должное, оказался куда ловчее и сообразительней двух своих собратьев, да и магии в него «вложили» не в пример больше – чтобы так вот, влет перегрызть серебряный клинок, челюсти должны быть из оружейной стали.

Вдобавок перегрызенную середину клинка пес-вампир заглотал, а поскольку вспыхивать и рассыпаться черным пеплом тварь явно не собиралась, то вытаскивать из голенища запасной кинжал мне как-то сразу расхотелось.

Пса пришлось душить завязками плаща.

Следующие четверть часа я разглядывал небо, благо луна со своей мерзкой ухмылочкой осталась за особняком. А заодно пытался понять – который из боков меньше ноет. Нет, все, решено – последний раз надеваю эту... музейную реликвию. Толку мне в непробиваемости, если обычная драконья жилетка, почти не уступая в прочности, распределяет удар не в пример лучше. Что для моих, повторюсь, хрупких эльфийских костей... ох-х!

Пришлось воспользоваться фляжкой. Здравур, ирландский бренди и экстракт колы, – та еще смесь, покойника не подымет, но уж полуживого мигом заставит выплясывать... чего-нибудь.

Или – сломать отмычку! Будь на моем месте сородич из светлых, он бы сейчас непременно кого-нибудь проклял. По всем правилам, с воздеванием рук, длинно и напевно.

Впрочем, представить на моем месте светлого эльфа очень сложно. Практически невозможно... Эльберетъ твою Гилтониэль! Вторая отмычка! Тридцать пять лет я этим набором пользовался, даже королевскую сокровищницу отпирать довелось! Гномья сталь тройного заговора, калилась в драконьем дыхании – и на тебе! Мифрильный он, что ли,

этот замок... уф! Наконец-то поддался!

Я не сумел, вернее, не счел нужным сдержать вздох облегчения – все же клятый замок едва не вывел меня из равновесия. И потому лишь миг спустя осознал, что повода для гордости, собственно, и нет. Не я справился с замком. Просто кто-то с той стороны двери решил поинтересоваться – что это за странные звуки доносятся от входа?

Как просто. На миг я даже подумал – а может, стоило начать с вежливого стука? Это, конечно, против канонов – но зато...

– Деймос, проклятая псина, если ты опять расцарапал дверь...

Я позволил бормочущей лысине – девственную чистоту макушки привратника нарушала пара коротеньких рожек – высунуться примерно наполовину. Затем пнул створку и, не дожидаясь, пока лысина перейдет с бормотания на вопль, заботливо снабдил ощерившуюся клыками пасть затычкой... в виде рукояти кинжала...

...и едва удержал дверь – пружина была от медвежьего капкана, не иначе.

Глава 2

Тимоти

– Хорошо идем.

– Что?

– Хорошо идем, говорю, – повторил я. – Для гнома, который «на берег этот впервые ступил сегодня», так и вовсе отлично.

Торк остановился. Развернулся ко мне. Очень осторожно развернулся, с равной брезгливостью щурясь и на забор справа – явно облюбованный не только собаками, – и на стену слева. Нет, вру! Стена гному не нравилась больше, и я даже понимал отчего – каменная, она при этом ухитрилась выглядеть куда более хлипкой, чем дощатый забор. Для истинного подгорника смотреть на подобное «строение» – как человеку на... ну, к примеру, на собачье дерьмо перед алтарем в соборе любоваться.

– Намекаешь, что я солгал тебе?

– Намекаю, – в тон ему отозвался я. – Что ты не сказал мне всей правды.

Гном нахмурился.

– Ты утверждаешь, что я солгал?! – повторил он, и то, как рука гнома при этих словах *прошлась* вдоль рукояти топо-

рика, мне совершенно не понравилось.

К обвинениям во лжи, запоздало припомнил я, гномы относятся столь же болезненно, как и к шуткам в адрес своих женщин и богов. А я... а я, кажется, только что распрощался со своим шансом выбраться из трущоб. Все потому, что язык длинный, не по росту и уж точно – не по уму.

– Да.

Нахмурившись еще больше, Торк шагнул вперед – а вот удар я уже разглядеть не успел. Прямо в сплетение... обычный человек мигом бы улетел сквозь забор.

Только обычному человеку гном бы и не стал отвешивать такой вот пинок – дружеский, по гномьим меркам.

– Молодец! – одобрительно прогудел Торк. – Назвать гнома брехуном... хей-хой, ты мне нравишься все больше, сын Валлентайна! Много людей я встречал – но мало у кого в душонках было столько же храбрости, сколько в одних подошвах сапог твоих!

– У меня ботинки. Дырявые.

Пузо до сих пор ныло. Черти хвостатые, а ведь еще год назад я бы и не покачнулся.

– Об этом не думай! – гном пренебрежительно махнул рукой. – Еще до вечера у тебя будут лучшие сапоги, какие только сыщутся в Городе Гномов.

Это если в коротышечном подземелье вообще найдется хоть какая обувь моих размеров, подумал я, а миг спустя меня словно мешком с кирпичами по башке хлопнуло.

– Так мы идем в Город Гномов?!

– Доводилось бывать?

– В самом Городе – нет. А вот вход в него видать приходилось.

Если уж быть по-гномы точным, видел я не сам вход, а хомину, которую местные сородичи Торка над этим входом взгромозили. Не увидеть ее трудно – эдакий кривой ящик со сторонами в полтора квартала. Ну а внутрь меня, понятное дело, хрена с два бы кто пустил – не Центральный парк «для чистой публики», ночью через ограду не сиганешь.

– Понятно, – кивнул Торк. – Сейчас же ты сообразил, что веду я тебя в сторону другую.

– Ну, не совсем другую, – отчего-то смутившись, пробормотал я. – Но и приближаться мы к нему не очень-то приближаемся.

– Ты откуда родом? – неожиданно спросил гном.

– Из Англии...

– Это и так видно за старую добрую английскую милю, – усмехнулся гном. – Нортумберленд или Кливленд?

Я отрицательно мотнул головой:

– Северный Йоркшир.

– На лис охотиться доводилось?

– Эта забава для джентльменов, гном. Тех, кого зовут сэры, милорды... Я похож на джентльмена?

– Ты и на леди-то не похож. – А вот сейчас Торк откровенно забавлялся.

– Из-под Горы, сын Валлентайна, плохо видно, сэр человек или пэр. Мы ведем свои летописи от начала времен, подлинного Начала, а не вашего «сотворения мира». Когда мы пришли на Туманный остров, по нему бродили пикты. Для римлян мы строили Северную Стену, которую они звали Адрианов вал, для короля Артура наши мастера выточили круглый стол...

– ...а для короля Карла вы сколотили эшафот, – вставил я исключительно с целью показать образованность – а ну как прибавится какой доллар к жалованью. Зря, что ли, три года полы у нашего викария подметал?

Правда, пока что жизнь поворачивалась так, что выходило – зря!

– Лорд-протектор был умным человеком, – ничуть не смутился Торк. – И щедро платил за кирасы для своих «железнобоких».

– Угу. А еще...

– А еще прокуратор Иудеи щедро платил за гвозди!

Гном есть гном, их не переделаешь... наверное, их даже и не переплавишь. А уж переспорить коротышку – это для человека подвиг, достойный быть занесенным в ихние всегномские летописи.

– Сдаюсь! – Я вскинул левую руку.

– Ты что, левша?

– С чего ты взял? – удивленно переспросил я. – А-а, понял... нет, просто рукав у куртки не любит... резких движе-

ний.

– Определенно, нам следует начать с портного, – пробормотал Торк. – Ладно, пошли...

Надо признать, башку он заморочил мне неплохо – я потащился следом за ним и лишь через дюжину шагов сообразил, что своими дурацкими рассказами про лисью охоту, Артура и Кромвеля гном попросту сбил меня с мысли.

– И все-таки, гном, куда мы идем?

– Не гном, а Торк. Не идем, а почти пришли.

Торк с крайне озадаченным видом уставился на небольшую железную дверцу. Выглядела она малость получше стены – но именно что малость. Столько ржавчины за раз я в жизни своей еще не видел. И гном, кажется, тоже. Выудив из кармашка небольшой бронзовый ключ, он снова замер в нерешительности... тряхнул головой, заскрежетал замком... сдвинул брови, бормоча при этом себе под нос что-то специфически гномье, даже для такого «знатока» Старой Речи, как я, мало похожее на благодарности Создателю Ауле.

– А говорить ничего не надо? – осторожно спросил я. – Помню, грабили мы... то есть решили мы как-то ночью зайти в один магазинчик, а дверь там была на заклятии, хорошем таком, арабском. Ну, Перки, у него уши будто кроличьи, подслушал, чего хозяин вечером бормотал, запомнил... фраза условная заковыристая была, язык сломаешь, пока говоришь. Нам потом уже Гныш, орк из грузчиков портовых, сказал – на ихнем, орчьем, это значит: «Пошел ты на...»

– Ыкках драггари вайща, ек!

Произношение у Торка было что надо – Перки сумел правильно выговорить «магический ключ» раза с пятнадцатого. Третье слово ему все никак не давалось... vay-tsch-a... нет, не для человеческой глотки такие звуки.

– Может, мне попробовать?

– А что, – продолжая возиться в замке, ворчливо спросил Торк, – среди твоих дарований числится умение вскрывать замки?

– Среди моих дарований числится талант уговаривать двери открыться.

– Да уж, – гном яростно дернул ключ в попытке, как мне показалось, уже не открыть, а просто извлечь его из скважины, однако замок расставаться с добычей не пожелал. – Представляю.

– Отошел бы ты.

– Нет!

Торк дернул ключ еще раз. В замке что-то противно хрустнуло, гном, явственно посветлев лицом, рванул ключ в третий раз – но, как выяснилось, хрустом достижение гнома и ограничилось. Ни открываться, ни отдавать ключ дверь по-прежнему не желала.

– Как знаешь...

– Будь на то моя воля...

Хрясь! Торк отступил на шаг, с ненавистью глядя на фигурную щель, из которой пчелиным жалом торчал бронзо-

вый обломок.

– Моя воля... Тимоти, я позволил бы тебе не только выбить к Моргу... Темному эту проклятую дверь, но и развалить всю эту орками деланную стенку! Но, – Торк тяжело вздохнул, – советник Крипп вряд ли обрадуется, если мы оставим проход к одному из «Черных Лазов» открытым нараспашку.

– Ты хочешь сказать, – недоверчиво произнес я, – что за этой ржавой дрянью находится потайной ход в Город Гномов?

Ловко. Вот, значит, к чему был насчет охоты разговор. Ну да, в норе с одним только выходом жить опасно... а гномы уж точно не глупей лисиц.

– Да. По крайней мере, – с куда меньшей уверенностью в голосе добавил Торк, – путеводный амулет привел меня именно к ней.

– Ах, амуле-ет, – насмешливо протянул я. – Путеводный. Случаем, не «Ариадна Инк»?

В лавке Чилийца стоит полный ящик этих деревяшек. Пять центов за штуку и три – если брать больше дюжины за раз. Дрянная резьба и еще более дрянной наговор. Берут их, как правило, шлюхи – сунуть в карман клиенту. А те, как не менее правило, избавляются от них, едва завернув за угол, потому как приволочь такой подарочек супруге им вовсе не улыбается.

– Вот, посмотри.

Я посмотрел – и уважительно присвистнул. Да, эт вам

не здрасте. Шестиугольник из красной меди, одной чеканки долларов на восемь, не меньше. Ну и магии для него явно не пожалели – вон как на ладони подпрыгивает. С таким компасом при желании можно хоть плыть Северо-Западный проход открывать. Весчь!

Но если амулет привел нас к правильной двери, то какого орка... ох, ну точно!

– Думаю, – медленно произнес я, – в человеческой религии ты разбираешься так же, как и большинство твоих сородичей?

– То есть – никак! – усмехнулся гном. – Что с того? Хочешь сказать, сын Валлентайна, что ваши боги имеют нечто общее с этим проклятым замком?

– Бог у нас один, – наставительно произнес я. – Хоть он и триедин. А вот святых – уйма!

– Это даже мне ведомо. У вас что ни день, то непременно праздник в честь очередного мученика или просто сумасшедшего.

Судя по лицу гнома, секунду назад кто-то из святой шайки то ли подсунул ему чрезвычайно кислое яблоко, то ли посадил в каждый зуб крохотного термита. Это я к тому, что последний раз видел столь же кривую рожу в прошлом декабре, когда у Джонни три зуба разом ныли.

– У нас подряд срочный, а они празднуют, орк их за... – Гном осекся и с подозрением уставился на меня. Наверное, запасаюсь, что я прям вот сейчас, не сходя с места, потре-

бую надбавку за работу в праздничный день.

– Между прочим, – заметил я, – сегодняшний святой в некотором роде твой родственник.

– Это в каком таком еще роде?

– А вот! Согласно легенде, святой Родарий был гномом... – Я сделал паузу и, дождавшись, пока челюсть гнома начнет возвращаться на прежнее место, закончил фразу: – Полукровкой!

– А-а, вот чего, – с явным облегчением выдохнул Торк. – Я-то уж подумал...

– В точности это неизвестно. Зато ведомо иное – большую часть своей жизни Родарий был вором. Очень удачливым – говорят, что не было в те времена замка, который он бы не сумел открыть.

– Постой-погоди, – вскинул бороду Торк. – Кажется, мне что-то вспоминается. Не этот ли светоч вашей веры обокрал главу бирмингемской гномьей общины?

– Он самый. Так вот, в меньшей части своей жизни Родарий был монахом. Уж не знаю точно, что на него свалилось, какое знамение он увидел – может, и впрямь святой Павел заглянул «на огонек». Или это была шутка какого-нибудь темного эльфа. Но как-то раз хмурым осенним утром наш герой роздал все свое добро приятелям и нищим, а затем отправился в храм каяться в грехах. Свиток с той исповеди до сих пор паломникам показывают, шиллинг с носа за удовольствие – правда, те, кто заплатил, жалуются, что раз-

бирать эти каракули даже с лупой-то сложно, а уж без...

– Ты хочешь попытаться убедить меня, – с нажимом произнес гном, – что я, гном, не смог открыть ключом гномьей работы сделанный моими же сородичами замок лишь потому, что сегодня день этого вашего Родария?!

– Верно. И вообще, сегодня очень неудачный день для тех, кто собрался что-нибудь открывать, вскрывать, взрывать, ну и так далее.

– Неужели?

– Да-да. И единственный способ преодолеть эту напасть – это помолиться святому Родарию. Что я и сделал.

Глаза у Торка сейчас выглядели точь-в-точь как два новеньких пятидолларовика – круглые и блестящие. Я усмехнулся, протянул руку и легонько ткнул пальцем в злосчастную дверь.

Дверь не шелохнулась.

Гарри и Салли

– Слушай, но почему бы нам...

– Заткнись!

Полчаса назад Гарри еще не был уверен, которая из двух выпавших ему кар Господних раздражает его больше: дождь или жалобы партнера. Нытье Салли было делом привычным, а вот дождь... мелкий, холодный, он словно бы и не капал из серых унылых туч, а попросту висел в воздухе, ожидая, пока очередной шальной ветер закинет его под шляпу невезучему путнику. Не ливень стеной, не гроза – так, мелочь, только вот за несколько часов этот паршивый дождик вымочил Гарри до самых костей.

Весна... чтоб ее орки без соли сварили! В прежние-то годы они с Салли сейчас бы чинно-благородно сидели в какой-нибудь гостинице в Луизиане или Алабаме. Спокойно проедали-пропивали-прокуривали зимнюю «шерсть» с доверчивых южан в ожидании, пока настенный календарь – календарь, а не термометр! – подскажет, что летнее тепло перешагнуло линию Мейсона-Диксона и пора открывать сезон охоты на кошельки северных овец и прочих баранов. А все война... загребут под ружье, и доказывая потом святому Петру, что подпадал под «Закон о 20 неграх»⁴.

⁴ 16 апреля 1862 года Конгресс Конфедерации принял закон о всеобщей воинской обязанности, согласно которому (наряду со многими другими исключения-

– Слушай, но в самом деле, почему бы...

– Заткнись, я сказал! – рявкнул шулер. – Ты, скулящий мешок дерьма... когда там, на развилке, я сказал, что пора устраиваться на ночлег, кто начал стонать: «Ах, еще ведь светло, ах, еще одна ночь под открытым небом, ох, мои нежные ручки-ножки ее не переживут!» А? Кто причитал? – Гарри попытался симитировать плаксивый голос напарника... и не без успеха: – «Ну-у пожалуйста, Гарри, давай пройдем еще немного, я уверен, мы обязательно найдем какое-нибудь строение...»

– Гарри, прошу тебя... я устал, я падаю... и дорогу почти не видно...

– Вот как? А хворост для костра ты разглядеть сумеешь, мистер Задохлость? Или, может, у тебя в кармане затаилась ручная саламандра, да еще согласная жрать насквозь мокрые сучья? Или ты даже не соображаешь, что единственная сухая вещь на десять миль вокруг – это моя последняя нераспечатанная колода?!

– О, как ты жесток...

– Жесток, – отчего-то повторение этого слова заставило игрока скрипнуть зубами, а рот наполнился слюной. Жесток... жесток, словно подметка... или свиная грудинка. Тот самый последний кусочек, что, бережно завернутый в четыре тряпки, покоится на дне мешка. Достать, вгрызться... черт, не хотел же думать о еде! – Будь я милосерден, давно

перерезал бы тебе глотку – исключительно из сострадания. Но поскольку наблюдать за твоими мучениями доставляет мне...

Гарри осекся, напряженно вглядываясь в темноту. Быть того не может, однако он готов был...

– Кто здесь?

– Ты кого-то увидел? – испуганно прошептал толстяк. – Послушай...

– Заткни. Свою. Пасть.

На прошлой неделе в Остинтауне мошенникам довелось сидеть за три ярда от помощника тамошнего шерифа – парень жаловался, что на дорогах стало беспокойно. Конечно, рассказы об орках в боевой раскраске стоило числить по ведомству опустошенных бутылок, но какая-нибудь шайка дезертиров...

Глупости, оборвал Гарри сам себя, чушь и бред! Разбойники, которые устраивают засады ночью, в дождь, на полузаброшенном тракте, должны быть либо чересчур большими оптимистами, либо полными кретинами. Просто...

Теперь игрок снова увидел это – уже точно. Что-то, вернее, кто-то – неясный силуэт, мелькнувший среди деревьев справа от дороги.

Самое время тянуться за старичком «патерсоном»... хотя если тот, за деревом, не человек, пуля его лишь разозлит.

– Гарри...

Черный силуэт медленно отделился от ствола.

– Прощения просим, сар.

Шулер захохотал. Смех был еще тот, с подвсхлипом, который без особой натяжки можно было бы считать истерическим, – но сдержаться он вряд ли бы смог, даже очень захотев. Слишком уж велик был шок – почти мгновенный переход от ужаса перед затаившейся во тьме неведомой тварью из преисподней к осознанию, что темное пятно у обочины – это всего-навсего ниггер.

Непонятно какого тролля здесь и сейчас делающий.

– Че надо?

– Меня послали звать вас. – Лязгнул металл, и в воздухе рядом с чернокожим появилось небольшое желтое пятно. Фонарь, скорее догадался, чем разглядел, Гарри. Правда, такой убогий, что казалось – он вовсе не рассеивает ночную тьму, а скорее, наоборот, сгущает.

– Звать нас куда?

– В гости. – Негр приподнял фонарь чуть выше. Лет ему, судя по маячившему на грани света и мрака лицу, было никак не больше двадцати.

– Гости – это хорошо, – ворчливо произнес Гарри.

Будь они на Юге, объяснение происходящему находилось бы легко и просто – какой-нибудь плантатор, стосковавшийся по людям одного с ним цвета кожи. Но здесь, в Огайо... Гарри шагнул вперед, всматриваясь – да и не больно-то похож этот ниггер на слугу-зазывалу. По сравнению с его тряпьем Салли в своих обносках «с плеча» огородного пугала

выглядит и впрямь настоящим герцогом... настоящим королем, черт побери! На полях, конечно, гнут спину и вовсе... но среди домашней прислуги такого даже самый захудалый хозяин и секунды не продержит.

– Идти мал-мала, – чернокожий словно бы почувствовал колебания Гарри. – А хижина у Старый Снап прочный, не протекает. И жратва найдется.

– Старый Снап?

– Он ждет вас, – просто сказал негр. – Знал, что вы идти. Послал меня – звать.

Будь Гарри хоть на унцию менее промокшим, усталым и голодным, он бы, наверное, все же нашел в себе силы послать это в высшей степени сомнительное гостеприимство в куда-нибудь... не ближе Запретных земель. Причем сразу же, не раздумывая. Но сейчас он заколебался...

– Гарри, послушай, – горячо зашептали из-за спины. – Мне все это не нравится. Ночью, в лесу... А вдруг этот ниггер связан с орками и приведет нас прямиком к котлу? Помнишь, что говорил...

И эти слова толстяка решили дело.

– Мы пойдем с ним! – твердо сказал шулер. – Кто б он ни был, этот Снап, у него имеется хотя бы хижина, в которой мы сможем переночевать!

– Точна-точно, сар! – обрадованно поддакнул негр. – Хижина у Старый Снап есть, да еще какая! – Он вкусно причмокнул. – Настоящая особняк, с чердаком и подвалом! По-

верьте, сар, вы нисколько не пожалеете, что пойдете. Старый Снап ждет вас, очень ждет.

Внезапно стало светло. Нет, разумеется, солнце не выскочило из-за горизонта с диким боевым воплем, словно гобл из засады. Это была просто луна – полная луна, выглянувшая наконец-то из-за туч. Но в сравнении с непроглядной чернотой, полновластно царившей до ее появления, даже это бледное светило на миг показалось Гарри ослепительно-ярким.

Он моргнул, протер глаза. Дождь тоже кончился, исчез вместе с тьмой, заодно прихватив с собой дружка-ветерка. По крайней мере, здесь, у земли. В небесах, похоже, сейчас всю гулял его старший братец, и подгоняемые его хлесткими порывами тучи стремительно мчались на запад. Огромная черная стая, в испуге даже не замечающая, что второпях перепутала верх и низ и теперь, вместо того чтобы поливать водой земную твердь, щедро крапит черный бархат небес алмазными искорками звезд.

Трой

Любоваться на звезды Трою нравилось всегда, сколько тролль себя помнил. Нынче же от этого была и прямая польза. Разноцветногоглазое подмигивание Великой Дырявой Чаши манило к себе, затягивало... то есть отвлекало внимание от мыслей про брюхо – пустое.

Живот, прошу прощения, конечно же, достопочтенный живот, мысленно поправился Трой, но было уже слишком поздно. Оскорбленная до глубин кишок часть тела не замедлила напомнить о себе продолжительным урчанием-бульканьем-переливанием, начавшимся где-то под легкими. А завершившимся, как и обычно в таких случаях, весьма звучно и – как необычно в таких случаях! – весьма ярко. Пламя костра взметнулось на добрых три фута, разом охватив сусшившиеся над огнем шорты. Окажись молодой тролль чуть менее проворен, и он запросто мог бы лишиться своей любимой и, что более важно, единственной в данный момент одежды.

– Ай! По лапам-то за что? Это не честно... и больно!

– Не честно пытаться сожрать чужую одежду! – наставительно произнес Трой.

– Я только на вкус попробовала...

– Попробовала одна такая... – Тролль задумчиво уставился на два собственных пальца... торчащих из дыры в третьем

заднем кармане. – Оголодавшая. Вот подержу тебя недельку-другую без еды...

Растянувшаяся на углях саламандра обиженно фыркнула и запустила в Троя угольком.

– А ты, а ты... я лежу, почти засыпаю, и тут мне прямо в мордочку... пфуй!

– Это вышло нечаянно.

– Я тебе не верю. – Саламандра надменно вскинула голову и, старательно вскидывая лапки – в точности как это проделывала цирковая лошадь на подсмотренном огненной ящеркой представлении, – развернулась.

– Буду спать хвостом к тебе, вот!

– Давай ты все-таки будешь спать в своей шкатулке, – мягко сказал тролль. – Воздух сырой, и кто знает – вдруг Погонщик Небесных Бизонов передумает и пригонит свое стадо назад. У него ведь нрав еще более переменчив, чем твой.

– Неправда, неправда! – мигом развернувшись к Трою, заверещала ящерка. – Я могу передумывать в сто, нет, в триста раз быстрее! И вообще, пока он свои облака сдвинет хоть на дюйм, я сделаю – шашть! – и уже там! А потом еще раз – шашть! – и уже снова тут!

Трой вздохнул. Хоть он и был очень привязан к своей маленькой рыжей подружке, но выносить абсолютно *все* проделки капризного, раздражительного, вздорного, нахально-го, самовлюбленного... короче говоря, настоящего духа огня даже у флегматичного тролля выходило неважно. Плохо

выходило, если уж быть откровенным до конца.

– Ну скажи, скажи! Я ведь самая-самая непредсказуемая, правда?!

– Правда, – устало кивнул Трой, откладывая подгоревшие шорты и подтаскивая к себе когда-то снежно-белую, но давно уже ставшую грязно-бурой сумку. При этом он снова вздохнул, на сей раз – виновато. Сумку давно следовало: во-первых, постирать, а во-вторых, не доводить до столь при-скорбного состояния. Все же семейная реликвия...

Сумка была сшита из паруса корабля, ставшего роковым для двоюродного дяди Троя. Причина смерти почтенного Малфри была предметом зависти всех окрестных троллиных семейств, и в чем-то, наверное, они были правы. По крайней мере, особое благоволение Каменных Богов, решивших выделить своего верного почитателя столь экзотическим способом призыва к себе, было хоть каким-то ответом на вопрос: «Почему на горного тролля, мирно гревшегося на склоне в тысяче миль от ближайшего моря, вдруг свалился с неба двадцатифутовый парусный вельбот?!»

– Самая-самая-самая непредсказуемая?!

– Самая-самая-самая-самая и еще три раза самая. Уголек хочешь?

– Хочу! – Саламандра присела на задних лапках, став похожей на выклянчивающую орехи белку. – Настоящий, каменный?

– И не просто каменный, а настоящий кардифф, – с улыб-

кой подтвердил Трой. – Прыгай.

Повторять ему не пришлось. Едва разглядев под распахнутой крышкой заветный отблеск, рыжее пламя взвилось в прыжке. Осторожно развернув шкатулку, тролль заглянул в нее – как раз вовремя, чтобы увидеть, как впятеро уменьшившаяся саламандра обвивается вокруг лакомства, неторопливо, словно играющая кошка, запуская в него коготки.

– Фрям-ням! Вкусно! – заключила ящерка минутой позже. Махнула хвостом, собирая разлетевшиеся крошки, вытянула мордочку, будто прислушиваясь к чему-то, и, облизнувшись, добавила: – Но ма-а-ало!

– Понимаю...

– А что, – с интересом спросила ящерка, – тот кролик, что я сегодня поджарила, он для тебя был так же, да?

– На самом деле даже хуже, – признался тролль. – Я и распробовать-то его толком не успел. Куснул раз, другой, а он взял да и закончился. Только аппетит раздражил...

– А почему ты не поймал кого-нибудь побольше?

– Потому что «кто-нибудь побольше» здесь не водится.

– Ну как же, как же... вон отпечатки копыт!

– Это следы коров.

– Но ведь корова, – озадаченно пискнула саламандра, – она же больше кролика?

– Больше, – с грустью подтвердил Трой. – Но маленький кролик был дикий, а значит – ничей. Коровы же принадлежат людям, и если я съем одну из них, то у меня могут на-

чатся проблемы.

На этот раз ящерка скопировала задумавшуюся собаку – аккуратно уложив мордочку на вытянутые вперед лапки.

– Ты ведь говорил, что у тебя есть уже проблемы с людьми. Из-за человечка-вулканчика.

– Это правда. Но... – тролль задумчиво поскреб щеку, – как бы тебе объяснить... из-за десятника Кларка за мной охотятся слуги человеческого закона. У них есть много других забот. Больше, чем обычно, ведь идет война и ловить надо дезертиров, шпионов... много работы, а кто любит, когда много работы? Разве что гномы...

Если же я украду и съем корову, – продолжил он, – меня захотят поймать ковбои. Они отлично знают эти места... и очень сильно не любят скотокрадов.

Найр

Меня выручило лишь то, что привратник не стал вести себя как подобает – то есть, заглотав шесть дюймов заговоренного серебра, он попросту обмяк и попытался упасть. Повезло, что и говорить. Будь на месте этого недокровососа настоящий вампир, кучка пепла вряд ли бы сумела не позволить двери захлопнуться.

– Спасибо за помощь. – Темным эльфам, что бы про них ни сочиняли представители иных рас, благодарность вовсе не чужда. – Так уж и быть, плащ и цилиндр повешу сам, а туфли вытру... скажем, о ваш костюм, с вашего позволения... или без того.

С благодарностью, впрочем, я поторопился. Входной коврик из привратника оказался еще более никудышным, чем вампир, – труп вздрогнул и начал стремительно распадаться на лужу омерзительной гнойно-зеленой жижи и облако ничуть не лучшего запаха. Поводов жаловаться богам на свои рефлексy я до сегодняшней полуночи не находил, но, увы – несколько капель все же остались на туфлях. Белых, с квадратной пряжкой, только на прошлой неделе доставленных из Лондона... возможно, уходя, я все же подожгу этот особняк.

– Кошмариус, что у тебя происх... о нет!

Вылетевший откуда-то сверху некрупный черный имп, увидев меня, решил *очень* резко сменить направление поле-

та на противоположное. Не вышло, хотя пространства для маневра имелось в избытке – ширина и особенно высота доступных моему взору помещений наводили на мысль о любимом ручном драконе хозяина... или о нескольких столь же тщательно лелеемых видах фобий. Попытавшись совместить полупетлю с виражом, бесенок врезался в угол между стеной и потолком, сполз на ступеньку и остался там – мелко дрожа, попискивая и тщетно пытаясь заслониться крылом.

– Нет. Нет. Не надо, пожалуйста.

– Ты – знакомец хозяина этого дома?

– Да, мистер драу. Вот уже...

– Где у вас тут вешалка?

– Справа от вас, мистер, за портьерой. Прошу вас, мистер, я еще так молод, умоляю, мне еще и четырехсот лет не исполнилось...

Кроме вешалки, за портьерой имелось также зеркало – как нельзя более кстати. Разумеется, после схватки с псом я постарался вернуть себе достойный облик, но тем не менее... травинка на отвороте сюртука, воротник рубашки загнулся внутрь, бабочка перекосилась... вид, приличествующий разве что человеку!

– Прикажете доложить о вас, мистер драу?

Я отрицательно качнул головой.

– Нет нужды. Лучше покажи мне дорогу.

– Хозяин сейчас в спальне.

– Вот к ней и покажи. Кратчайшую, – добавил я, вспо-

нив, как однажды при весьма схожих обстоятельствах пять с лишним часов бродил по башне архимага. Невзрачная с виду, она могла бы дать фору иным дворцам, ведь ее владелец очень любил играть с «кривыми измерениями». Хобби, переросшее в манию, вместо обычной шести-плюс-п-мерной конструкции этот несчастный слепил – весьма неаккуратно, любого гнома удар бы хватил, увидь он это «творение»... ну и сумей понять, что она собой являет, – так вот, этот несчастный слепил пятнадцати– или семнадцатимерный лабиринт! Нет, определенно, за такое мог взяться только безумец – и, конечно же, только безумец имел шанс закончить эту работу.

Говорят, наследник покойного устроил из башни аттракцион – пять шиллингов за вход, десять фунтов за вывод наружу и награда в тысячу гиней тому, кто сумеет выбраться самостоятельно. Награда пока остается невостребованной, а бизнес наследника процветает – как башня-лабиринт, так и основанный им же приют для душевнобольных.

– Да-да, сейчас. Вам нужно подняться по этой лестнице... ковер чистый, клянусь, только сегодня...

– Я сказал «покажи», а не «расскажи», – напомнил я.

– Извините, я сейчас...

– Лети вперед.

Забавно – наибольший ужас у бесенка почему-то вызывала моя трость. Хотя он и видел, не мог не видеть, что особыми магическими свойствами этот аксессуар похвастаться не в силах, но, похоже, своему страху имп доверял больше, чем

своим же глазам.

– Я лечу, уже лечу...

Насчет устилающего лестницу ковра знакомец, конечно же, соврал. Этот пылесборник выбивали месяц назад, не меньше, и сейчас в его длинном ворсе затаился добрый стоун потенциального рака легких. Иного я, разумеется, и не ждал. Большинство видов низших бесов говорить правду сколь-нибудь продолжительное время не способны органически. Минута-другая – и у них начинается тошнота, головокружение... к закрывшим их магам это правило не относится, но я-то...

– Убейте его! Убейте!

При других обстоятельствах, скажем, если бы мы сидели в парижском кафетерии, я бы непременно сообщил атаковавшим, что убивать меня – занятие исключительно неблагоприятное. По крайней мере, двум из пяти – невысокой брюнеточке почти в моем вкусе и ее напарнице, которая была даже и без «почти».

Кажется, в засаде участвовала вся прислуга особняка. Глупость, вполне достойная скудных мозгов этих «инкубаторских» вампиров, – решить, что их сила, быстрота и тактика «навалиться кучей» компенсируют провал по части скорординированности. За первые три секунды боя они лишились одного уха, двух запястий, ступни...

На мгновение мне даже стало интересно – сумею ли я заставить их изрубить друг друга? Шансы были весьма непло-

хи, однако гулкое буханье из недр особняка возвестило, что к засадному полку движется подкрепление.

Пришлось отступать на лестницу и доставать кошелек.

– Я-а-а-а-ы-ы-у-у-у...

– Сдачи не надо, – любезно проинформировал я вампира в белом фартуке, старательно пытающегося сфокусировать взгляд на серебряном долларе... торчащем у него из переносицы.

– У-у-ми-и-и-ра-а-ю-у-у-у...

Что порадовало – эти на серебро реагировали более каноническим образом, вспыхивая и рассыпаясь. Не знаю, отстирывается ли сажа лучше, чем жижа, но хотя бы пахло не так отвратно... или мое осязание успело адаптироваться к здешним благовониям?

Бух! Бух! Бух!

Сотрясая пол, стены, потолки и мебель, ко мне приближалось... похоже, ко мне приближалась разгадка здешних высот и ширин. Да, по коридорам более привычных для людей размеров ЭТО перемещаться бы попросту не сумело. Впрочем, даже сейчас меч Рыцаря Преисподней упирался в потолок... оставляя в камне широкую полосу с оплавленными краями.

Конечно же, это снова была дешевая подделка. Будь хозяин особняка настолько силен, чтобы подчинить демона столь высокого уровня, он бы не пробавлялся сомнительной торговлишкой. И даже удайся ему подобный трюк – чудеса по-

рой случаются даже с волшебниками, – настоящий Рыцарь Преисподней не стал бы переть на меня с мечом наперевес. Вот швырнуть убийственным заклятьем через весь коридор... или через весь особняк – это в их стиле. И уж точно настоящий Рыцарь Преисподней не повелся бы... Бабах!

После третьего бабаха я начал слегка беспокоиться. Конечно, было весьма занятно наблюдать за тем, как девять футов шипастой вороненой стали, яростно пыхая багровым пламенем из щелей забрала, пытаются изрубить простенькую иллюзию. Но уж больно много сил вкладывал «рыцарь» в каждый замах – меч погружался в пол едва ли не наполовину. Положим, горящий ковер – это мелочи, я ведь и сам задумывался о поджоге, а вот целость несущих балок... Бабах!

Я, как несложно догадаться, *очень* не люблю фамильярничать с незнакомцами. Увы, принципам не всегда удается быть верным до кон...

– Эй, приятель. Ты случайно не меня ищешь?

Однажды я получил бесплатный совет. Его дал человек – что было унижительно вдвойне. Совет заключался в следующем: если позади тебя вдруг обнаружился кто-то, в чьей дружелюбности ты имеешь основания сомневаться, то сколь бы проворным ты себя ни мнил – не пытайся развернуться! Лучше прыгай вперед, не дожидаясь, пока тебя заставят это сделать!

Для стоящих на краю лестницы данный совет актуален особенно. Почти уверен – если бы «рыцарь» не начал пово-

рачиваться, он мог бы и устоять. Я ведь больше полагаюсь на ум, а чтобы нарушить равновесие почти тонны железа, требуется сила. Много примитивной, грубой силы... или законы механики, в частности, правило рычага.

— Умри же, посягнувший...

Падал он величественно. Об этом я могу судить уверенно, ведь я — один из немногих свидетелей падений Пизанской башни. Не всех, правда, — зрелище крайне завораживающее, когда любишься на него впервые... во-вторые... даже в-пятые, но когда тебя подобным способом выдергивают из кровати девятое утро подряд, к чувству восхищения начинает примешиваться изрядная толика раздражения. После тринадцатого падения моя деструктивная составляющая личности сдалась, и я съехал из гостиницы. Впрочем, оставшиеся восемь не должны были сильно различаться с уже виденными. Кроме последнего раза, осенью — когда наконец-то установленное заклинание против метел школяров уронило мирно летевшего на юг дракона. Конечно, для профессора Думпкофа было жизненно важно превзойти упорством своих воспитанников, но для меня с тех пор эта башня являет символ человеческого подхода к упрямству — куда более бессмысленного, чем гномий. Подгорных жителей могло бы хватить на то, чтобы восстанавливать обрушенное в прежнем виде, но каждый раз стирать память у видевших... не понимаю.

Лестница оказалась крепче, чем я о ней думал. «Рыцарь» не сумел проломить ее и ограничился лишь тем, что съехал

вниз. Там он и рассыпался – магия магией, но пайка оловом – это, как ни подходи к вопросу, халтура.

Правда, некоторые части еще пытались шевелиться, но эта сцена меня уже не интересовала – пора было переходить к следующей части спектакля.

– Импы не потеют от страха.

Не совсем верное утверждение, однако для детального погружения в тонкости физиологии низших видов демонов место и время были малоподходящи.

– Но мне это и не нужно. Довольно и того, что я слышу, как стучат твои зубы.

Произнеся эту фразу, я сделал паузу, прислушался и, ничего не услышав, еще более зловещим тоном процедил:

– Мой маленький черный дружок!

– Я не виноват!

Имп визжал так, что в дальнем конце коридора лопнул шар святого Эльма.

– Клянусь, я тут ни при чем!

– Охотно допускаю. – Я позволил себе улыбнуться и немедленно пожалел об этом – визг импа перетек в следующую тональность. – Ти-ха!

Бесенок умолк. Да, иногда все же происходят вещи, за которые стоит поблагодарить богов.

– Взлетаешь. Показываешь дорогу к спальне хозяина. Молчишь.

– Да...

– Молчишь, – напомнил я.

Хозяина бесенка и особняка звали Р’сар Великий – точнее, он предпочитал, чтобы его звали так, остальные же предпочитали называть его Дэниэл Корбин Флориан Третий, – и в данный момент он спал. Чуда в этом, в общем-то, не было – на улице ночь, а два десятка окутавших спальню охранительных заклятий не дали бы шанса выступить в роли петуха даже пушкам Аустерлица.

Разумеется, до момента, пока они оставались в неприкосновенности.

– Какого...

Для свежепробудившегося человека столь почтенного возраста мистер Дэниэл Корбин Флориан Третий обладал весьма неплохой реакцией – даже не закончив произносить свой вопрос, он метнул в меня файербол. А следом, почти без паузы, радужную молнию. От шарика я увернулся, молнию поймал. Тростью.

В ней и в самом деле нет почти никакой магии. Просто черный опал замечательно абсорбирует заклятья школы Эфира, заключенный же в эбонит стержень из метеоритной стали ничуть не менее ловко переправляет захваченное... к примеру, в тумбочку.

К счастью для мебели, старик не умел бросать заклятья ногами.

– Я имею сомнительное удовольствие бедовать с мистером Р’саром?

– Ы-ы...

– Нет, мистер, удавку я ослаблять не собираюсь. Просто кивните.

Старик отчаянно замотал головой.

– Что ж, очень жаль.

Осторожно присев на край спального ложа, я отложил трость и достал из внутреннего кармана маленький розовый конверт.

– Раз вы не являетесь мистером Р'саром, то, полагаю, вас не заинтересует послание, адресованное этому человеку Главами трех ближайших Гнезд. Очень рад. В таком случае я не вижу нужды расходовать время на зачитание.

Он все же успел понять, *что* значат произнесенные мной слова, и даже высвободил правую руку – один из отсеченных удавкой пальцев шлепнулся на одеяло в опасной близости от моей манжеты. Больше мистер Дэниэл Корбин Флориан Третий не успел сделать ничего. По крайней мере, в этой жизни. То, что его голова, расставшись с шеей, обосновалась точно в центре подушки, было уже моей заслугой. Жест, который, увы, некому оценить по достоинству, но если не практиковаться...

– Это был скверный хозяин.

– Подходящая эпитафия. – Я обернулся и с интересом взглянул на бесенка. – А почему ты еще здесь?

Разумеется, не все заклинания пропадают с гибелью сотворившего их мага – но вот заклятье «привязывания» зна-

комца относится именно к таковым.

– Смысл? – Имп вяло пожал крыльями. – Я видел тебя... и узнал.

– В самом деле.

– Ты – Найр.

– Не собираюсь отрицать.

Наклонившись, я аккуратно вложил вампирский конверт в зубы клиента. Встал, поднял трость, осмотрелся. Конечно, сложно забыть что-нибудь там, куда почти ничего не принес, но всякое случается. Скажем, иногда хочется унести что-нибудь на память... не часто и уж точно – не в этот раз.

– Не знаешь, почему твой хозяин избрал для своей ночной рубашки такую неортодоксальную расцветку?

Пожалуй, если бы мои наниматели сообщили мне о данной детали, я бы скинул им... процентов шесть. Черное, кожаное, в розовый горошек, да еще с цветочками. Существ с подобными эстетическими убеждениями нужно убивать в порядке благотворительности.

– Нет. – Имп грустно вздохнул. – С головой старикашки Дэнни порой творились странные вещи.

Мы дружно взглянули на упомянутый предмет.

– Видимо, это был его рок, – заметил я. – Или ее. Что ж... быть может, расставание с телом пойдет ей на пользу.

– Сомневаюсь.

Имп шмыгнул носом, снова вздохнул и, горделиво расправив крылья – хотя со стороны это выглядело скорее комич-

но, в лучшем случае трагикомично, — дрожащим голосом осведомился:

— Что за участь ждет меня?

— Участь? — Я оглянулся на окно, но видимый участок неба был весьма невелик... да и вообще прикладная астрология не относится к числу моих талантов.

— Допрос в полиции, полагаю.

— Как? — растерянно пискнул бесенок. — Разве... ты не уничтожишь меня?

— Зачем?

— Но... ты ведь Найр.

— Как я уже сказал — не отрицаю.

— Но... но... полицейский маг не даст мне лгать.

— Скорее всего.

— Я же назову твое имя людям! — в отчаянии проверещал имп.

— И что с того?

Бесенок выглядел так забавно, что я не смог сдержаться и подмигнул ему — дурацкая человеческая манера, уже который век не могу от нее избавиться.

— Неужели ты всерьез считаешь, что меня это хоть сколь-нибудь волнует?

Глава 3

Тимоти

– Если бы не торопился...

– Мистер, ну, может, хватит, а! – взмолился я. – Почему было мне знать, что чертова дверь открывалась наружу?!

– Если бы ты внимательно смотрел, что делаю я...

– Гном! Если б ты внимательно слушал меня предыдущие двадцать раз! Я смотрел! С.М.О.Т.Р.Е.Л! Глазами! Своими! И видел, как один подгорный коротышка дергал одну троллями поиметую дверь во все, мать их так, стороны! Наружу, вружу! Ты ее разве что вверх открывать не пытался!

Я и сейчас, переругиваясь с Торком, смотрел – в Городе Гномов было много такого, на что стоило поглазеть. В особенности имело смысл глазеть вперед и назад: коридор был узкий, а посреди него, прямо на камне были рельсы, и по рельсам этим то и дело катались вагонетки. Порожние и не очень, управляемые гномами... и сами по себе – но скорость у всех была такая, что любой фаворит с ипподрома копыта б от зависти откинул. Местные, похоже, узнавали об их приближении на слух, но у меня-то уши были не настроены должным образом – и вот уже два раза я успевал выскочить из-под бешено мчащихся коротышечных повозок лишь в са-

мый-самый предпоследний момент.

– Смотрел один такой... Что я теперь скажу советнику!

– Правду, – зло буркнул я. – Что мы ее закрыли.

Человек бы так и сказал. А этот... гном... наверняка ведь честно доложит, что мы ее завалили... или замуровали... в общем, подберет наиболее соответствующее истине определение. После чего... Ой!

– Куда прешь, Здоровила!

До сих пор я думал, что когда тебя атакует существо в засаленном переднике – это не очень страшно. Но если передник напаян поверх кольчуги мелкого плетения, а скалку и чугунную сковороду это существо держит с уверенностью победителя минимум двадцати хольмгангов...

– Мэм, я...

– Вообще-то, – перебил меня Торк, – развешивать белье над коридорами общественного пользования запрещено. Параграф, если не ошибаюсь, 14-347 Малого Уложения. «Подвязывание к балконам, – нараспев затянул он, – вервиев, канатов, цепей якорных...»

– Да откуда ты взялся? – вытаращилась на него гномиха.

Торк изобразил чего-то вроде... ну... наверное, у гномов этот дрыг-подпрыг считается реверансом.

– Из-под Белой Горы, достойнейшая.

– Из Англии?! – Гномиха всплеснула руками, едва не добавив мне шишку и над левым глазом для вящей симметрии. К счастью, я успел отшатнуться – сковорода просвистела в

каком-то дюйме от моего лица.

– Ох... в самом деле... а этот Здоровила...

– Он – *друг*!

Гном произнес это с такой интонацией, что даже мне стало понятно – он имел в виду, что я не какой-то там его личный приятель по кружке эля, а настоящий друг всего ихнего Клана Дальних-и-чего-то-еще-там Пещер.

А еще я понял, что по-человечески Торк сейчас говорил тоже из-за меня. Никакой иной нужды в этом не было.

– Ох... ну тогда... мистер, вы уж извините.

– Я не в обиде, мэм, – поспешно сказал я. – По правде говоря, сам... ну, глядеть надо было...

Этому способу меня дедуля научил. Если уж приключится несчастье с женщиной схлестнуться, лучше всего сразу виноватым себя назвать. Иначе никак, спорить с бабой во сто крат хуже, чем с самым распоследним дурнем – ему, на крайняк, хоть по макушке постучать можно, а на женщину руку не подымешь...

Зато коль уступишь, дашь ей над эдаким большим и сильным победительницей себя почувствовать – тут-то ее голыми руками можно брать. Ей-ей, проверено.

Вот и сейчас – гномиха растроганно так на меня уставилась, моргнула влажно...

– Сейчас... сейчас за примочкой сбегаю. Только не уходите... – И унеслась куда-то в глубь норы.

Я на Торка покосился.

– Время у нас есть, – задумчиво сообщил гном. – К тому же, раз она собралась поставить тебе эту примочку, будь уверен – поставит! Даже если в самый дальний штрек заберешься и угольным пластом прикинешься.

– Утешил.

Гном пожал плечами и достал трубку, явно рассчитывая, что минимум «на один покурить» мы с места не стронемся.

У меня на миг все же мелькнуло: развернуться – и деру. Но сразу же опомнился, сообразил: дорогу к тоннелю я без гнома еще кое-как найду, не зря башкой по сторонам вертел, а вот наверх подняться... у меня от спуска еще душа не отошла... в смысле, из пяток не вылезла. Тот еще был спуск – вроде как в детстве, когда зимой с горы катались, только здесь тоннель, мрак, и летишь ты по этому тоннелю, а он все не кончается...

Не помню, орал я или нет. Думаю, все ж орал – потому как был уверен, что вылечу сейчас напрямик в преисподнюю, в заботливо подставленный и вскипяченный котел со смолой. Не обделался хоть, и на том спасибо.

И лезть тем же путем наверх... может, оно и возможно, только лично я на этот подвиг решусь годика так через четыре, не раньше.

– Гном, вопрос можно?

– Торк. Конечно, – вместе с клубом дыма выдохнул гном. Дым у него получался душистый, вкусный, хоть тарелку подставляй. – Можно и не один.

– Мы сейчас как глубоко?

– Хех... – коротышка почесал нос мундштуком, – точно не скажу, но если припомнить угол наклона спусковой норы и время... футов пятьсот двадцать, пятьсот тридцать.

Всего?! Я-то был уверен, что провалился на милю, не меньше!

– Еще вопросы будут?

– Ну... Торк, примочка – это больно?

– Больно?! – Судя по виду, мой наниматель не мог взять в толк – то ли ему хохотать во всю глотку, то ли ахать от удивления. – Шутишь?!

– Если бы...

Я и сам понимал, что для существа, незнакомого с методами лечения моего дедули, вопрос должен был выглядеть исключительно дурацким. А уж для подземного недомерка – тем паче. Как же так – стоит гора костей с мясом и трясется...

– Нет, – медленно качнул головой Торк, видимо, поверив, что мне и в самом деле не до шуток. – Примочка – не больно. Совершенно, я бы сказал. Больно – это когда болван-подмастерье мимо наковальни промахивается... и по ладони попадает... молотом... это да, больно.

Хоть я за сегодняшний день видел его ладони раз двести, все равно не сдержался и скосил глаза – благо гном как раз в этот момент раскуривал очередную порцию зелья. Руки как руки... все пальцы на месте. Ну да про недомерковых лека-

рей не зря говорят: если приволочь им мешок с костями, они без всякой магии гнома из него заново соберут. А еще до-бавляют, что гном у них по-любому выйдет, не глядя, кем этот мешок раньше был.

– Ох, извините вдвойне, что пришлось ждать... младшая невестка уложила бутыль на дно самого дальнего сундука и никому про то слова не сказала, тихоня...

Как же ж, как же ж... если что на дне того дальнего сундука и лежало, так вовсе не бутыль с примочкой.

– ...а я так уж торопилась.

Ну так торопилась, что давешний фартук с кольчужкой успела заменить на что-то сарафанное... причем бисера на этом платье столько, что в смысле непробиваемости оно кольчужке фору даст.

– Вот. Мистер...

– Тимоти.

– Мистер Валлентайн, – одновременно со мной произнес Торк.

– Мистер Валлентайн, прошу вас, поверните голову чуть левее. Вот... теперь придерживайте.

Я послушно прижал к синяку что-то вроде куска губки. Торк не ошибся, боли не ощущалось вовсе, одно только легкое покалывание, но это было скорее приятно, чем наоборот.

– Благодарю вас, мэ.

– Равно как и я, – прогудел снизу Торк, – благодарю вас за помощь моему другу.

– Да что вы, что вы... я еще хотела вам вот... моя третья внучка только что вынула из духовки эти несколько пирожков.

С этими словами гномиха наклонилась и, сдавленно охнув, выставила на край балкончика корзину.

Я свой ох сдержал, Торк – тоже. Но вот взглядами мы с ним обменялись схожими. В моем, пожалуй, было чуть больше недоумения, а в его – обреченности.

Несколько пирожков... такие корзинки на рыбацкой пристани обычно таскают вдвоем.

– Огромное спасибо, достойнейшая. Я и мой друг с радостью воздадим хвалу искусству вашей внучки. Мистер Валлентайн, будьте так любезны, возьмите сей *дар*!

«...И забросьте как можно дальше», – мысленно договорил я, хватаясь за ручки корзины.

– Примочка!

– Мэм, я...

Поздно.

– Нет-нет, не поднимайте, что вы, как можно... сейчас я сделаю новую. А вы попробуйте пока... и вы...

– Блгдрю, мэм.

Они были с мясом, эти пирожки. Я затолкал в пасть сразу четыре, Торк же взял один и, прежде чем надкусить, пару мгновений очень сосредоточенно глядел на него, словно факир – на змею.

– Чо ны тык?

– Да нет, все так, – задумчиво сказал гном. – Вкусно. Весьма.

Мне показалось, что Торк хотел добавить еще что-то.

Пирожки с мясом... только вкус этого мяса отчего-то не показался мне знакомым. Конечно, в последнее время судьба не особо часто баловала меня хорошей жратвой, но все же я был уверен, что баранину от крольчатины отличу, да и с курятиной тоже не спутаю.

– Еще раз выражаю вам свою глубочайшую признательность, достойнейшая. – Гном сопровождал эти слова еще одним дрыг-подпрыгом. – И надеюсь, что в ближайшем времени нам удастся вновь увидеть вас, а также лично поблагодарить создательницу этих замечательнейших кулинарных изделий.

Гномы не врут, говорите?

– Ох... я буду так рада...

– Мистер Валлентайн – *идемте!*

Собственную команду Торк начал выполнять, еще не закончив произносить ее до конца. К счастью, подземный коридор был сравнительно пуст... к счастью для всех прочих, – мой наниматель ринулся вперед, словно готовился к поступлению во флот Конфедерации... на должность броненосного тарана.

Я припустил за ним.

– Ты можешь есть на ходу?

– А? Вообще-то могу, но...

– Тогда – ешь! – не оборачиваясь, прорычал гном.

– Рад бы исполнить твой приказ, – отозвался я. – Но вот такая проблема. Одной рукой я прижимаю к щеке примочку, второй прижимаю к боку эти самые пирожки. А третьей руки, чтобы таскать их из корзины в рот, у меня отродясь не имелось и за последнюю минуту тоже не отросло!

Гарри и Салли

– Гарри, я боюсь.

– Пасть закрой, толстяк. Светлячки налетят.

– Гарри, ты не понимаешь, – тоскливо вздохнул Салли. – Болота...

– Ты же у нас новоорлеанец, Салли, – насмешливо произнес шулер. – Неужели не чувствуешь запах родины?

– Не шути так, Гарри, ох не шути, – горячечно забормотал толстяк. – Потому-то я и боюсь, что знаю. Жуткие вещи порой творятся на болотах, друг мой, странные и страшные...

– При свете дня и твердой земле тоже делается немало. В любом случае...

– Мы прийти, сар, – обернулся к ним проводник. – Старый Снап в эта дверца живет.

– Дверца? – непонимающе повторил Гарри, разглядывая возникшее перед ними сооружение, дверь в котором отсутствовала как таковая.

В первый момент ему почудилось, что скособоченная хижина опирается на что-то вроде двух огромных куриных ног, – но, всмотревшись, шулер с немалым облегчением понял, что его спутала игра лунного света с двумя обычными древесными стволами. Их широкие узловатые корни в самом деле казались весьма похожими на птичьи пальцы.

О том, что заставило эти деревья вырасти посреди болота,

Гарри предпочел не думать.

– Дворца, сэр. – Ниггер хрипло засмеялся. – Почти как королевская, да. А Старый Снап – почти как король здешний. Он ждет вас.

– Гарри! – взвизгнул толстяк. – Я не пойду туда!

– Ну и сиди здесь до утра! – рявкнул в ответ шулер, и, словно вторя ему, со стороны болота донесся короткий, полный тоски и отчаяния вой.

К счастью, Гарри успел лишь поставить ногу на первую ступеньку... и успел отдернуть ее, когда обезумевший от ужаса напарник, яростно сопя, ринулся по этой лестнице вверх.

– Что это было?

– Было?

– Звук, только что...

– Ах, звук. Водки. То есть, я хотел сказал, волки, сар.

– Волки?! – хмыкнул шулер. – На болоте?

– Болотные волки, сар.

По крайней мере, подумал Гарри, становясь на лестницу, ниггер не дрожит от ужаса – а значит, эта тварь не так уж и опасна. Чем бы она ни была – болотным волком или просто жабой...

...состоящей в ближайшем родстве с хозяином «дворцы».

– Прошу вас, джентльмены. Не стесняйтесь, проходите, садитесь... на пол, он почти чистый. И вообще, почувствуйте себя как дома... у меня.

Если бы Старый Снап был просто ниггером преклонных годов – настолько преклонных, что вполне мог помнить не только Джорджа Вашингтона и его топорик, но и высадку с «Мейфлауэра», – это было бы еще не так страшно. Но вот изрядная толика орочьей крови делала его уродство почти совершенным. Законченным, так сказать. И тем страннее было слышать, как из пасти этой сморщенной пародии на разумное двуногое извлекаются звуки вполне правильной человеческой речи... с ново-английским выговором.

Толстяк послушно плюхнулся на пол, не сводя со старика безумно-перепуганного взгляда. Гарри остался на ногах.

– Вот что, приятель, – резко произнес он. – Если ты считаешь это «почти чистым»...

– Я сказал «почти», мистер Уэсли.

Черт, растерянно подумал Гарри, если закрыть глаза, запросто можно представить, что с тобой на самом деле говорит какой-то седовласый джентльмен. В качалке, под пледом и у камина... А не древний орко-ниггер под кучей драных одеял. И, черт-черт-черт, откуда старому хрену известна моя фамилия, *настоящая* фамилия?!

– Пол в этой хижине почти чистый, – повторил старик. – Так же жратва на нижней полке слева от вас почти пригодна для еды, а пойло на верхней – почти сойдет за выпивку.

– Дерьмо!

– Гарри, Гарри, прошу тебя, не надо, не зли его, – быстро зашептал Салли. – Разве ты не видишь, он же наверняка

колдун, один из этих чертовых ниггерских шаманов...

– А хоть бы даже и так. – Вытянув руку, шулер наугад сцапал с верхней полки одну из тыквенных фляг, выбил пробку – и тут же пожалел об этом. Вырвавшийся из отверстия сивушный «аромат» напрочь перебил даже болотную вонь. – На, глотни немного храбрости.

– Гарри!

– Да перестань ты трястись, партнер, – шулер наконец рассмотрел участок пола, которому с виду можно было доверить заднюю часть штанов без риска потратить следующий день на их отстирку. – Пусть даже эта сушеная обезьяна и в самом деле бокор, или как они там себя кличут.

– Но ведь он может...

– Пернуть – вот единственное, что он может сделать без лицензии. А поскольку лицензию ему никто и никогда не выдаст, это и есть единственное, на что мистер Снап годится. Верно я говорю, старикан?!

– В той части, где вы намекаете на отсутствие у меня лицензии практикующего мага, – невозмутимо произнес колдун, – верно совершенно. Что же касается моих возможностей...

– ...то при попытке ими воспользоваться тебя мигом засекут более везучие собратья по магическому цеху, – засмеялся Гарри. – Выпотрошат, а потом сдадут, что останется, Протестантским рыцарям и налоговой.

Груда одеял издавала мерзкий смешок.

– Не все так просто, мистер Уэсли.

Салли, с тоскливым ужасом вслушивавшийся в перепалку между партнером и колдуном, наконец решился последовать совету Гарри. Поднес флягу ко рту, сделал глоток... выпучил глаза и отчаянно закашлялся.

– Что, крепковато для твоей нежной глотки?

– Ах-ах-х-ха.

– Ну-ка, дай сюда.

– Осторожн... – Толстяк осекся, с изумлением глядя, как донце фляги поднимается все выше и выше, сопровождаемое звучным буль-буль-буль... и улетает в угол.

– На вкус – в точности как ослиная моча, – резюмировал шулер. – Но глотку продирает что надо.

– Ослиная моча? – Старик хихикнул еще раз. – Вы, наверное, большой специалист по ее вкусу. Пусть так. Я запомню сей эпитет, мистер Уэсли. Думаю, вы его также запомните. Хи-хи.

«Это проклятое хихиканье, – подумал Гарри, – определенно действует мне на нервы. Чертов старик... не прост, совсем не прост. Однако неужели он думает, что сможет парой фокусов заморочить нам головы с той же легкостью, что и десятку-другому черномазых?»

– Вот что, – грубо произнес он. – Снуп, или как тебя там...

– Мистер Снап, с вашего позволения.

– Мистер?! Ну лады, пусть будет мистер Снап. Выкладывай, – медленно произнес Гарри, – какого еще орка ты зазвал

нас в свою нору?

– Вы всегда так торопитесь перейти прямо к делу, мистер Уэсли?

– Не-а. Только в гостях у старых полоумных ниггеров.

– Гарри, Гарри, что ты делаешь...

– Успокойтесь, мистер Голдфингер, – с явной иронией сказал колдун. – Право, не стоит переживать так сильно. Как бы ни хохорился ваш партнер, я прекрасно вижу, что именно чувствует он на самом деле... и потому вовсе не собираюсь пополнять вами мою коллекцию жабов. Наоборот, я, джентльмены, собираюсь изложить вам одно деловое предложение... крайне выгодное.

– Накопать мешок луковиц какой-нибудь болотной дряни?

– Для этой работы у меня есть иные слуги, – равнодушно махнул рукой Снап. – Вам же... вам же, джентльмены, я предложу для начала пересчитать задаток.

Груда одеял, в которых так старательно кутался Старый Снап, практически не шевелилась – в этом Гарри был готов поклясться всем и каждому. Небольшой черный мешочек возник, казалось, прямо в воздухе между мошенниками. Упал на пол, глухо звякнув... и впервые за последние сутки Гарри и Салли дружно испытали одно и то же чувство – безмерного удивления.

Хотя, разумеется – с поправкой на место действия, – трудно было бы ждать, что зрелище выкатившихся из мешочка

новеньких золотых десятков вызовет у двух мошенников какие-то иные эмоции.

Трой

– Выпустите меня! Господь милосердный, да выпустите же меня отсюда!

Просыпаться Трою не хотелось. А хотелось повернуться к источнику раздражения задом и вновь завалиться в спячку... желательно, зимнюю. Жаль, очень жаль, что время года не благоприятствует.

Троль печально вздохнул и открыл глаза.

Источник раздражения бросил на него дикий взгляд и с удвоенной энергией рванул прутья решетки.

– А-а-а! Он проснулся! А-а-а! Выпустите меня! Во имя человеколюбия! А-а-а! Прошу, умоляю, не дайте... а-а-а-а! Он сейчас бросится! Господи Иисусе! Не дайте сожрать меня этому чудовищу!

После недолгого раздумья Трой решил, что вопли сокамерника адресованы все же не человеческому Творцу, а двум людям в серых плащах и не менее унылой расцветки шляпах. Одинаков у этих двоих был также покрой и цвет рубашек, длинные шпоры на сапогах. Не имейся у одного из них длинной, ухоженной, достойной даже гнома бороды, а у второго – куда более облезлого вида бакенбард, троль, пожалуй, не сумел бы различить этих людей.

Для чистокровных представителей человеческой расы, однако, эта пара демонстрировала завидную выдержку. Во

всяком случае, доносящиеся из-за решетки вопли ничуть не отвлекали серых от их основного занятия – ленивого перебрасывания бумажными прямоугольниками.

– Выпустите меня! Он проснулся!

– А мы ведь предупреждали тебя! – не отрываясь от карт, проворчал бородач. – Говорили: будешь орать – разбудишь! Тройка.

– Тройка, говоришь? – Второй охранник, сдвинув шляпу, задумчиво почесал затылок револьверным стволом. – Принимаю.

– А-а-а-а!

– Скорей бы его жрать начали!

– Нет, я смекаю, тролль начнет с того, кто на полу валяется.

– Крикун же толще. У второго и жрать-то нечего, кожа да мослы.

– Верно. Потому, значит, толстяка на десерт оставят. И потом, лежачего грызть удобнее.

– Угу. Только не лежит он уже, оклемался.

«Не лежит» в данном случае означало – вяло, со стонами пытается шевельнуться. Получалось неважно.

«С другой стороны, – самокритично признал тролль, – «неважно» для меня и «неважно» для столь тщательно измолоченного существа – это немного разные понятия. По крайней мере, можно уверенно сказать, что у этого человека наличествуют рефлексy настоящего бойца – ведь пытаться

встать его побуждают именно рефлекс, проблесков сознания пока...»

– А-а-а! Выпустите меня!

– Кто-нибудь, во имя преисподней, заткните глотку этому паровозному гудку! – простонали с пола. – Моя голова...

– Гарри! Осторожно!

– Я не собираюсь есть твоего друга, равно как и тебя самого! – твердо произнес Трой и, чуть подумав, добавил: – Некоторое ближайшее время нужды в пище я не буду испытывать вовсе. Очень сыт.

– Некоторое ближайшее – это сколько?

– Дня три, четыре.

– Ну, так долго мы здесь не задержимся, – пробормотал Гарри. – Надеюсь.

В отличие от шулера тролль не надеялся, а точно знал, какой срок им предстоит находиться в «здесь». А еще он столь же твердо собирался этот срок изменить – пусть даже по его меркам помещение, где они пребывали, было не лишено некоего уюта. Ведь тут были стены... пусть одна из них представляла собой решетку, а три остальные были сколочены из тонких, плохо ошкуренных досок, сквозь щели между которыми вполне могли попытаться бежать, к примеру, браuni.

Имелось также и окно... маленькое и опять-таки забранное решеткой, а главное, место для сна – нары. Нет, определенно, для существа, привыкшего, что ковром ему чаще

служит голый камень, чем цветочная поляна, участок и в самом деле выглядел уютно... если бы не практически единственная надежная вещь в камере – заговоренные кандалы! К досаде тролля, местные жители хоть и не собирались выкладывать деньги на постройку более капитального оплота правосудия, но и совсем уж дураками не были: заклятые с изрядным запасом прочности кандалы могли бы и дракона удержать.

– Правильно надеешься. – Второй охранник аккуратно положил карты на стол и потянулся к коробке...

– Эй, это же мои сигары!

– Они были твоими, приятель. А сейчас это конфискованное решением суда имущество.

– Суда?! – Эта новость произвела на Гарри такое впечатление, что ему даже удалось сесть... и не свалиться обратно на пол. – Что, суд уже был?

– Два часа уж как состоялся, приятель!

– Ничего не помню. Моя голова... – Гарри попытался коснуться упомянутого предмета над правым ухом – и с проклятием отдернул руку. – Растакая хрень, да что это со мной?!

– Шотландское виски.

– Че?!

– Судя по виду и характеру нанесенного повреждения, – спокойно пояснил тролль, – удар по вашему черепу был нанесен бутылкой шотландского виски. «Сэр Эдвард»⁵, если я

⁵ В Нашем Мире торговая марка шотландского виски «Сэр Эдвард» была за-

верно помню запах.

– Я убью его!

– Сэра Эдварда?

– Да при чем тут сэр Эдвард! – взвыл Гарри. – Бармена! Эту ирландскую свинью! Зарежу, выпотрошу, кровь продам вампирам, а требуху – оркам, потом...

– Полегче с угрозами, приятель! – Тон бородача, впрочем, также трудно было назвать миролюбивым. – Хоть ты уже и схлопотал приговор, но учти – мы все здесь уважаем Сэма О'Нейла, единственного честного хозяина салуна в городе. И, если захотим, ночь эта покажется тебе очень длинной.

– Да пойдите вы к сата... – Шулер осекся, вовремя сообразив, что поминание некоторых персон в столь поздний час ему могут не простить куда больше, чем ругань в адрес бармена.

– Этот ваш Сэм... и его долбаное ирландское чувство юмора! Да, конечно, шутить с чужаками так весело... за их золото!

Будучи крайне озабочен двумя вещами: собственной головой и обидой на весь остальной мир, – Гарри не заметил, как при словах «за их золото» охранники разом помрачнели. Но это изменение не прошло мимо глаз тролля.

– Шотландское виски! – продолжал тем временем бормотать Гарри. – Ну да, именно его я и спросил у этого ирландского борова! И он дал мне бутылку... ухмыляясь... еще бы

ему не ухмыляться! Если бы я так же ловко сумел в нетронутой с виду бутылке заменить виски ослиной мочой, я бы тоже растянул пасть до самых ушей!

А вот теперьотреагировал уже толстяк, до этого момента продолжавший вжиматься в решетку. Трой никогда прежде не видел, чтобы люди так стремительно меняли свой цвет – с багрово-красного на белый.

– М-моча?!

– Да! – рывкнул шулер. – И она была везде! В бутылках на стойке... я хватал их наугад, и в каждой, каждой... и даже в стаканах на столах! Проклятие, там народу было не меньше двух десятков, и все они были в сговоре с ним... ждали веселья... срань господня, они даже пили это у меня на виду... а когда я выхватывал у них стакан...

– Знаешь, Гарри... – Толстяк выпустил из рук стальные прутья и, покачнувшись, сел на пол. – Знаешь... боюсь, тебе это не понравится, но...

– Что еще?!

– Боюсь, Гарри, дело не в бармене, а в тебе!

– Во мне?! Что ты хочешь сказать этим, а?!

– Понимаешь... когда мы расстались... ты направился в салун...

– А ты – в бордель!

– Да, и там...

– Набедокурил еще похлеще своего приятеля, – подал реплику второй охранник.

– Года уж два такого шума не было, – поддержал его бородач. – Ну да... с тех пор, как один... тож заезжий... взял да и бросился на девуку... сволота клыкастая.

– Но я не бросался! – истерически взвизгнул толстяк. – Я ни на кого...

– Салли! Расскажи! По порядку!

– Э-э, – цвет лица Салли вновь начал смещаться в сторону красного участка спектра, – видишь ли, это не совсем та тема, которую я желал бы затрагивать в присутствии посторонних.

– Не, ну мы с Фредди можем и отвернуться, – ухмыльнулся бородач.

– Как бы...

– Салли. – Шулер говорил словно бы и тихо, но при этом каждое произнесенное им слово живо напоминало удар молотка... по крышке гроба. – Сучий потрох. Живо. Рассказывай. Или придушу.

– Да-да, сейчас. – Толстяк знал своего партнера хорошо... достаточно хорошо, чтобы понять – сейчас Гарри в самом деле готов сделать то, что пообещал... и остановить его охранники не смогут. Даже тролль, если вдруг возымеет желание вмешаться, – и тот вряд ли сумеет. – Видишь ли, когда... э-э... дама была готова... ну и я тоже... готов... я вдруг почувствовал... гм, нечто странное. Я посмотрел туда, вниз, и увидел, увидел. Мне трудно об этом говорить...

– Ну!!! – дружно рывкнули оба охранника и Гарри.

– Я увидел, что выгляжу *там* как женщина, – упавшим голосом произнес толстяк.

Охранники переглянулись... и перекрестились.

– Дальше что было?

– Дальше... ну, я спрыгнул с нее... то есть с кровати, бросился к зеркалу. Там, в зеркале, все было на месте и вообще... было на месте. Я решил, что мне почудилось, – бормотал толстяк, – от усталости и... гм... долгого воздержания. Но когда я снова попытался... оно повторилось, Гарри.

– А какие-нибудь ощущения вы при этом испытывали? – неожиданно спросил тролль.

– Ощущения? – озадаченно повторил Салли. – Да... наверное... понимаете, я пришел в некоторое расстройство из-за...

В этот момент он понял, на чей именно вопрос отвечает, – и замолк.

– Расстройство – это да! – Второй охранник был явно шокирован услышанным. Он даже выронил на стол карты... рубашками вниз. Его напарник, видимо находясь в схожем состоянии, не обратил на этот промах ни малейшего внимания.

– Повод, что ни говори... тут любой мужик бы устроил погром уж всяко не меньше, чем на две сотни.

– Двести сорок три доллара и шестьдесят восемь центов, – педантично уточнил Трой. – Я слышал, как хозяйка пострадавшего заведения деклами... то есть зачитывала список убытков.

– Так! – Гарри ущипнул себя за подбородок... скривился. – Что-то я... Хорошо. Ладно. Забудем. Да. Начнем сначала. Салли разгромил бордель. Я сотворил то же самое в салуне. Хорошо. В смысле – плохо, но хорошо. Какого дья... орка нас запихнули в камеру к людоеду?

– Я не людоед, – возразил Трой. – По крайней мере, понятие «каннибализм»...

– Ты мог нас сожрать?!

– Как я уже говорил, ближайшие несколько дней я не буду нуждаться в пище. – Словно в подтверждение этих слов тролль звучно икнул. – Я съел корову.

– Корову?

– Это рогатое парнокопытное...

– Я знаю, что такое корова!

– Изначально предполагалось, что данный экземпляр дикий, а следовательно, ничей. – Трой вздохнул. – Однако множество джентльменов с кнутами... и ружьями... очень хорошо убедили меня в обратном.

– Ясно. Дерьмо. Хрень собачья. Какого мы делаем в одной камере с тобой?

– Ну надо ж было вас куда-то деть до утра, – наконец-то вмешался в разговор Фредди. – Тюрьмы нормальной у нас еще нет. Плотники не захотели работать ночью, да и толпу в полночь не соберешь.

– Плотники?! Толпу?!

– Чтобы сколотить виселицу. – Охранник ткнул большим

пальцем куда-то за плечо. – Старую на позатой неделе снес дилижанс, когда лошади понесли.

– Так. Еще раз. Я разнес салун. Салли учинил там-тарарам в борделе. Каков общий счет?

– Два перелома, четыре вывиха...

– По деньгам?

– Триста семьдесят четыре доллара двадцать четыре цента, – ответил тролль.

– Но, прах побери! – взвыл Гарри. – У нас же было при себе пятьсот долларов золотом. Какого...

Шулер замолчал, непонимающе глядя на Салли, который с устало-безнадежным видом поворачивал голову из стороны в сторону.

Охранники переглянулись.

– Вот ублюдок, а?

– И не говори, Фредди. Гореть ему в аду, тут и сомнений быть не может.

– Что?!

– У вас не было пяти сотен долларов, – мягко сказал Трой. – При вас имелись пятьдесят ореховых скорлупок, которым с помощью заклинания был придан облик золотых монет. Очень хорошего, мастерского заклинания – сотворивший его волшебник, должно быть, великолепно владеет магическими уравнениями Ксавериуса – Нилье, то есть подобия и симпатич...

– А поскольку, – перебил его бородач, – вы, пара сучьих

выкормышей, уже далеко не первые, кто является в наш город с полными карманами этой клятой скорлупы, то можете себе представить, как мы все жаждем познакомиться с мистером волшебником *лично!*

– К сожалению, – ввернул Фредди, – пока нам приходится довольствоваться лишь его прихвостнями... навроде вас.

– О господи... а... ты не сказал им?

– Что эти доллары мы получили от Снапа? Сказал.

– И?!

Салли виновато вздохнул.

– Они в это не поверили!

– Потому как байку про старого чокнутого ниггера на болоте мы тоже слышим не впервой, – проворчал второй охранник. – Только вы, недоумки, малость просчитались. Во всей округе имеется лишь одна лужа, способная сойти за болото, – и никакого черномазого колдуна там нет, да и никогда не было.

– О чем имеется фицияльный документ, составленный церковной комиссией, – подхватил бородач. – Мы ж не звери какие, у нас по закону все. Когда тот молодчик... как, бишь, он себя именовал?

– Натан Эммануель.

– Когда этот Натан Эмму-уел завопил, что-де выдаст главного по скорлупкам, мигом сняли с него петлю. Аж на целых три дня, пока в точности не убедились, что парень самым нахальным образом тянет свой конец, в смысле, трахает на-

ши мозги.

– Все просто... а-а-а, чтоб тебя бешеный мул лягнул! – Фредди наконец-то заметил, что его карты доступны для всеобщего лицезрения. – И мать его кобылу растак! У меня ж...

– У меня еще лучше. – Бородач небрежно уронил свой расклад поверх карт напарника. – Ну да орк с ним. Переигрываем.

– Переигрываем. – Мимолетного взгляда Фредди волшебным образом хватило на то, чтобы от буйного расстройствa перейти к ничуть не менее бурной радости. – Так вот, как я говорю, все просто. Не хочешь свести знакомство с веревкой – познакомь нашего шерифа с заклинателем скорлупы! Эй, жирный?!

– Кажется, он упал в обморок, – сообщил Трой.

– Хороший выход из положения, – пробормотал Гарри, от-решенно-стеклянно глядя куда-то мимо тролля. – Завидую.

– Как я понимаю, – вежливо осведомился Трой, – вы намеревались рассказать ту же историю, что и ваш друг? Про то, как черной-пречерной ночью на черном-пречерном болоте черный-пречерный колдун вуду...

Шулер хрипло расхохотался.

– Занятно, да?! Вот и мне занятно до жути! В кои-то веки хочу выложить чистейшую правду – а ей ни одна паршивая собака не поверит.

– Собака, возможно, не поверит, – задумчиво сказал тролль. – А вот я – поверю.

В этот раз Гарри смеялся чуть ли не вдвое дольше.

– Отлично, просто шикарно. Только знаешь, зеленая об-
разина, что я тебе скажу?! Лично я бы предпочел, чтобы по-
верила собака!

– В пользу данного вывода, – невозмутимо продолжил
Трой, – свидетельствует, как мне кажется, тот факт, что на-
ложенное на вас проклятие весьма схоже по исполнению с...

– Проклятие?! – озабоченно переспросил бородач.

– Ну да, – кивнул тролль. – Это же очевидно. В обоих слу-
чаях явно прослеживается...

– Вообще-то шериф ни о чем таком не говорил, – про-
бормотал Фредди. – Одно дело... эй, зеленошкурый? Эта
хрень... она может переходить на других?

– Такую возможность я бы не стал исключать полностью. –
Трой постарался вложить в эту фразу максимально возмож-
ный оттенок глубокомысленности. – Конечно, большая часть
подобных заклинаний не передается воздушно-капельным
путем, однако известно немало исключений...

Бородач вскочил, словно подброшенный невидимой пружин-
ной.

– Я пойду к шерифу! Ты пока...

– Вот еще! – раненым гризли взревел Фредди. – Ты пока-
рауль, а я пойду...

Не договорив, он схватился за револьвер.

– Опusti «кольт».

– Убери дробовик.

– Ты первый.

– Нет, ты.

– А-а...

– Пойдем вместе!

Все произошло настолько быстро, что Гарри еще добрых полминуты глядел на захлопнувшуюся дверь... пока не ощутил на своем плече очень осторожное прикосновение... очень большой зеленой лапы.

– Вашего друга нужно как можно быстрее привести в сознание, – решительно произнес тролль. – Думайте!

Шулер честно попытался.

– Ну, если бы у нас был нашатырь...

– Обойдемся.

Тролль выпрямился... вернее, попытался выпрямиться, а потолок отреагировал на эту попытку негодующим скрипом. Аккуратно взял Салли за воротник, поднял, чуть наклонил голову, разглядывая... разинул пасть.

– А-а-а-а!

– Салли, утихни!

– А-а-а-а!

– Салли, успокойся, этот парень на нашей стороне.

– А-а-а-а!

– Не прекратишь орать – голову откушу.

Эта фраза Троя подействовала куда лучше уговоров шулера – Салли замолчал почти мгновенно.

– У нас есть примерно десять минут, – холодно проинфор-

мировал его тролль, – чтобы покинуть это чересчур, на мой взгляд, гостеприимное заведение. У кого-нибудь есть идеи, как это можно сделать?

– А ключа от камеры у тебя нет? – ядовито осведомился шулер.

– Нет.

– Тогда и идей нет.

– У меня есть отмычка, – неожиданно произнес толстяк. – Эти провинциалы не стали забирать у меня ботинки... видимо, обувь положено делить после казни.

– Ты же сломал ее.

– Я купил новую.

– Когда?!

– Перед тем, как устремился в... ну, в то самое заведение, где со мной приключилось...

– В жизни не поверю, чтобы Салли подумал о деле, прежде чем о теле, – пробормотал шулер. – Ну хорошо. Только, если ты не заметил, кандалы на лапах нашего свежее испеченного друга – заговоренные!

– Так ведь и отмычка у меня, – возразил толстяк, – тоже непростая.

– Ну хорошо, – повторил Гарри. – Ты отомкнешь кандалы. А потом?

– Потом я смогу выйти, – сказал тролль.

– Сквозь стену?

– Нет, зачем, – удивленно посмотрел на него Трой. – Через

дверь. Мне нужно забрать книги, Майю... и покормить ее.

– Что тебе... – Не договорив, шулер махнул рукой: – А-а... гори оно все огнем!

– Непременно, мистер.

– А вот чтоб меня орки сожрали! – Гарри начал подниматься... затем на четвереньках подполз к решетке и начал подтягиваться – этот способ придать своему телу вертикальное положение удался шулеру значительно лучше.

– Кажется, у этого парня есть план, – бормотал он при этом. – План! У тролля! Тролля, которому нужно забрать книги. Мать божья, куда только катится этот мир?!

– Вы незнакомы с работами Ньютона?

– Я знаком с доброй сотней Ньютонов! Тебе какой нужен?

– Исаак Ньютон.

– Этот плешивый сапожник из Питсбурга?

– Нет. – Троль подошел к решетке, взялся за два прута, начал медленно раздвигать руки... и озадаченно уставился на выданные «с корнем» железяки.

– Попробуй пнуть ее.

Трой попробовал. Решетка с пронзительно-жалобным лязгом выдралась из креплений и отлетела к дальней стене.

– Великолепно. Если ты сделаешь то же с ящиками... – Шулер, покачнувшись, упал... точнее, повис, удерживаемый за воротник рубашки. – С ящиками шерифова шкафа, – упрямо закончил он, – я скажу, что жизнь начала понемногу налаживаться.

Свое обещание Гарри сдержал – в двух милях от города, когда запыхавшийся толстяк в четвертый раз рухнул на землю. Угрозы и окрики привычного действия не возымели, а слезать с шеи тролля и отвешивать Салли потребное количество пинков шулер не захотел.

– Орк с тобой, дохлятина, – благодушно произнес он. – Привал три минуты, в честь радостей бытия. Рискованно, ну да зрелище того стоит – пусть даже меня и вздернут потом из-за этой остановки!

С холма, подъем на который и доконал Салли, и в самом деле открывался превосходный обзор на место их недавнего заключения. Можно было даже разглядеть, что сбежавшиеся жители уже не стараются тушить сам пожар, а лишь не дают огню перекинуться на соседние дома.

– Уф. Ну что, куда теперь двинем, а?

Вопрос шулера был частично риторический, а частично – адресован Салли. Ответ тем не менее Гарри получил с неожиданной для себя стороны – снизу.

– Я пойду с вами.

– Чег-го?!

– Я решил продолжить свое дальнейшее путешествие в вашем обществе, – сказал Трой. – От вас пахнет приключением – это будет интересно.

– Апофигеть, – пробормотал Гарри. – Всю жизнь, что называется, мечтал... о таком обществе. Эй, – вскинулся он. – А заразиться проклятием ты чего, не боишься?

– Оно не заразно, – коротко сказал Трой.

– А тогда, в камере...

– Тогда мне нужно было убрать охранников.

– А! Ну да...

Не то чтобы Гарри был всерьез обрадован перспективой совместного с троллем путешествия. Однако в данный момент он предпочитал ехать верхом на упомянутом зеленошкур, нежели пытаться удрать от погони на собственных подгибающихся ногах.

Конечно, знай он, как все обернется в дальнейшем... но способностями к предвидению будущего шулер как раз и не обладал!

Найр

До рассвета оставалось меньше получаса. Восемнадцать минут, если быть точным, – а я не видел причин, по которым часы гномской работы могли не быть точными. Спешить, отставать – это судьба человеческих поделок, изделия же подгорных часовых мастеров либо работают превосходно, либо не работают вовсе.

Существовали, правда, одни часы гномьего мастера, которые показывали неправильное время. Минимум одни – хотя навряд ли кому-то еще могло взбрести в голову потратить два года наковыряние в механизме лишь для *шутки*. На такое способны только темные эльфы, а я не слышал, чтобы кто-то из сородичей повторил мое достижение. Ах, но какое же было восхитительно перекосившееся лицо у Ториэля, когда он *понял*, почему опоздал на бал...

Пожар на горизонте разгорался все сильнее. Так что даже я невольно залюбовался игрой оттенков – при том, что к дневному светилу мы питаем еще меньше добрых чувств, нежели к ночному. Но красиво. Думаю, с этим согласились бы даже наши светлые родичи, хотя они редко способны разглядеть красоту в чем-то непохожем на зеленеющую листву их ненаглядных лесов. Разве что в пении птиц... мерзавцы, нет чтобы изобрести заклинание, позволяющее всем остальным не слышать этот мерзкий ор.

Восхитительное зрелище. И ни одной тучки, способной нарушить чистоту фона. Плавные, глубокие цвета самой главной в мире спектральной пластины, также именуемой атмосферой. Работа сделана, утренний воздух свеж, бодрит и пробуждает аппетит. Пожалуй, зря все-таки я не захватил корзинку для пикников. Конечно, в цивилизованных местах – к примеру, за столом, когда перед тобой белизна накрахмаленной скатерти спорит со сверканием посуды, – мысль о вкушении пищи в антисанитарных условиях лесной поляны вызывает не энтузиазм, а одно лишь отвращение. Однако сейчас, в этих самых условиях, мысль, скажем, о бутерброде... всего лишь небольшом бутерброде, так, червяка заморить... червяка... жирного, длинного и наверняка очень вкусного червяка, ползущего прямо у меня под...

Клюв замер на полпути! На всякий случай я отступил на пару шагов, чтобы соблазнительная еда не манила взор столь нагло. Эти птичьи инстинкты... на миг отвлекся, ослабил контроль, и уже какая-нибудь гадость в глотке. Кар-р! Кар-р! А-а, заткнулись, пичуги жалкие! То-то же!

Никогда раньше не предполагал, что взлет – это настолько сложное занятие. Со стороны-то все кажется простым, даже элементарным – взмахнул крыльями, вот и все дела. На самом же деле эти крылья надо расправить, правильно ориентировать, проверить, не смялись ли где-нибудь перья, подпрыгнуть и уж только тогда махать, махать, махать... пока не устанешь, а устаешь быстро, даже очень. Интересно, настоя-

щие вороны так же устают? Я подозревал, что правильным ответом на сей вопрос будет нечто нецензурно-отрицательное. Ведь в случае положительного ответа становится непонятно – а как они вообще летают? Кар-р!

Меня хватило мили на две. Затем я, сопя, как загнанная лошадь, сел на ветку, нахохлился и попытался выяснить, в каком положении крылья ноют хоть немного меньше.

Две мили. Осталось еще шестьдесят пять. Я выдержу. Должен. Когда на «Андалузскую красотку» напал кракен, я почти сутки плыл, гребя лишь одной рукой...

...а второй держась за обломок мачты, ехидно напомнил Айр.

Вылез-таки. Стервятник. Почуял падаль.

Обижаешь? Я как-никак твое второе «я», мой милый шизофреник.

Отстань от меня, дрянь слюнявая! Боги, ну за что?! Мало мне быть параноиком, как все нормальные драу?! Ты, ты, где ты был тогда?! Сутки меня мотало по воде, я себе весь бок стер о проклятую деревяшку, а ты молчал. И когда меня выбросило на берег, и потом я еще пять дней шел через пустыню Намиб, без капли воды...

...но при этом не забывая нагибаться за алмазами...

...а когда лев бросился на меня...

...это была всего лишь гиена...

Так! Тьфу! Кар-р! Кар-р!

Ругаясь сам с собой, я все-таки – на миг, не больше – от-

влекся и едва не заглотал спокойно проползавшего мимо жука. Повезло – мне, а не только жуку, который, судя по яркой расцветке, был несъедобным, а возможно даже, и ядовитым. К величайшему сожалению, птичьи рефлексы – подсказывающие моему нынешнему телу хватать все, что шевелится, – не очень-то разбирались в степени пищевой пригодности хватаемого.

Шестьдесят пять миль. Даже чуть меньше – я не привязан к дороге, она требуется мне лишь для ориентировки, а значит, несколько углов можно будет срезать. Я справлюсь. Кар-р! Сейчас... крылья перестанут ныть, я расправлю их и воспарю, воспарю... Кар-р! Кар-р!

Я – темный эльф. Ни один чистокровный представитель моей расы никогда не сознается даже себе, что придуманный им план был плох. Максимум – это был не самый лучший план. Очень хороший, почти безупречный – но полного совершенства в этот раз достигнуть не удалось. Ничего.

В полдень я пересек границу штата – то, ради чего, собственно, и была затеяна мной эта чехарда с перекидыванием. Теперь возможная погоня оставалась позади. На таком расстоянии поисковым заклятьем разве что архимаг сумел бы нащупать меня... будь я в своем естественном обличье и не имей при себе защитных амулетов. И следа нет. Все замечательно, только вот крылья... возможно, кондором было бы все же легче? Кар-р! Сколько еще осталось этих миль?! Я не знаю. Я хочу есть. Жрать. Тот червяк утром наверняка был

такой вкусный... Кар-р! Не то что эти личинки, пока их из-под коры выдолбишь, клюв сточишь. Кар-р! Кар-р! Сколько еще лететь? Я не знаю. Срезать угол, срезать угол... срезал один такой умник. Что это за ферма? Не было здесь никакой фермы три дня назад. Или не здесь? Куда я лечу? Зачем я лечу? Кар-р! Солнце... а я черный... мне бы в тень, под крышу, да нельзя. Там, во дворе, человеческие детеныши копошатся. Мальчишки... с рогатками. У меня в детстве тоже была... был. Самострел. Боги, как жрать-то хочется. И солнце заходит – надо бы укрытие на ночь поискать, а то подвернусь какой-нибудь сове под когти... ЧТО?! СОЛНЦЕ ЗАХОДИТ?!

Сложив крылья – и откуда только умение взялось? – я камнем ринулся вниз, начав тормозить лишь на высоте футов пяти, не больше.

И – не успел.

– Мистер, вы с неба свалились, да?

Я медленно повернул голову.

Это была девочка. Снизу вверх – босоногая, в штопаном-перештопаном платице, с самодельной куклой из соломы, крепко прижимаемой к груди, россыпью веснушек и двумя тугими косичками. В правую был вплетен бант, когда-то голубой, но после многочисленных стирок сейчас могущий претендовать лишь на звание «слегка сероватый».

Глупое существо. Ведь оно даже не сознает, что уже почти мертва.

– А здорово вы измазались, мистер.

Поводов для убийства человека темному эльфу требуется примерно столько же, сколько человеку – для убийства букашки. А то, что это человек видит... убить ее, затем пойти в дом и найти того... то существо... которое не далее как вчера возжелало удобрить свое поле очередной порцией навоза! Запытать, расчленив, сжечь все дотла, а потом солью посыпать...

– Пойдемте, мистер! Вам отмыться надо.

– Не надо.

Я медленно провел рукой вдоль тела – и комья навоза, злобно чавкая, свалились обратно на пашню. Детское, элементарнейшее заклинание «пыль, поди прочь!»... снимает грязь.

Но даже куда более могущественному заклятию не по силам убрать это жуткое, гадостное ощущение. Оно теперь долго будет со мной, очень долго, будет жечь сквозь кожу до самых костей. Отпечаток прикосновения к этому... оно касалось меня... Боги, почему я не змея?!

– Ух ты... так вы, мистер, колдун, да? А почему лицо грязное осталось? Вы же, – детеныш озадаченно шмыгнула носом, – не можете быть негром? Черные так не одеваются... и вообще.

– Я не черный.

Боги, что ты делаешь?! Говорить с этим?! Зачем?!

Айр, молчать!

– Я – темный. Темный эльф. Драу.

– Эльф? – недоверчиво перепросила девчонка. – А разве они взаправду бывают?

Присев на корточки, я снял цилиндр и чуть наклонил голову.

– Ух какие ушки...

...если она прикоснется к ним, я отрежу ей пальцы, поджарю на медленном огне и скормлю...

Она прикоснулась. Даже дернула, наверно проверяя – а не приклеены ли?

– Наста-а-аящие...

– Эльфы бывают взаправду, – медленно произнес я. – Светлые и темные.

– В воскресной школе нам рассказывали, что эльфы – это выдумка. – Девочка вздохнула. – Богомерзкая. А если я про вас буду рассказывать, значит, про меня тоже скажут: «богомерзкая выдумщица».

– Не скажут.

Я колебался секунду, не дольше. А потом отстегнул бабочку вместе с брошью.

– Возьми. Тебе не мешает новый бант.

– Ой, какой красивый камушек...

– Красивый, – подтвердил я, – это зеленый берилл, в оправе из платины и серебра. Гномья работа, эпоха короля Фа... четырнадцатый век по вашему летосчислению.

– И лента такая чудесная... жаль только, что черная, но я все равно ее носить буду. И эту штучку.

Я улыбнулся. Она не испугалась.

– Нет. Послушай совет. Отдай сейчас эту брошь своей... маме, и пусть она спрячет ее куда-нибудь. Ты возьмешь ее, когда станешь чуть постарше. Поверь, она тебе будет нужнее тогда. А сейчас тебе хватит и банта.

– Хорошо, – серьезно кивнула детеныш. – Я так и сделаю.

– И еще, – выпрямляясь, сказал я. – Обязательно скажи своей матери... и отцу... что я проверю, как хорошо сохранят они для тебя мой подарок.

– А может, вы сами скажете? У нас ужин скоро...

Робкая наглость – это очень забавное сочетание.

– Не будь такой жадной. Тебе и так есть о чем рассказать и чем похвастать. Беги... на ужин.

– Хорошо, мистер. И... спасибо вам.

Я долго глядел ей вслед – пока светлое пятно платица не скрылось за неуклюже скособооченной коробкой сарая. Затем наклонился и поднял куклу. Несколько пучков соломы, перевязанных рваной тряпкой. Бесценное детское сокровище, брошенное и позабытое в тот же миг, когда в руках оказалась игрушка чуть новее и ярче.

Ей никто не поверит. Никогда. Подобным образом облагодетельствовать свидетеля своего падения способен человеческий маг, из белых, разумеется. Мог сделать это даже мой светлый родич... если его вдруг охватит острый приступ любви к детенышам. Но не драу.

Это безупречный план.

Глава 4

Тимоти

– Давай, сын Валлентайна, сделай это. Ты можешь, я верю в тебя!

– Гном... отвали по-хорошему.

– ЕШЬ!

– Погибели моей хочешь? – возмущенно прочавкал я. – Лопну же. Торк, дедушкиным костылем тебе клянусь – НЕ ЛЕЗЕТ!

Скажи мне сегодня с утра, что буду нос от еды – и какой еды! – воротить, свалился б я на пол и ржал бы минут пять, не меньше. Да чтоб я, да я...

Магию в эти пирожки гномиха понапихала. Точно-точно.

– Съешь их, сын Валлентайна. – Торк икнул. – Нам нужно идти. Мы и так потеряли множество времени. Сидеть и надеяться, что эти три *пирога*, – последнее слово гном буквально выплюнул, заодно с позастревавшими в зубах крошками, – исчезнут сами по себе. Возьми это и съешь.

– Смерти моей хочешь, – уверенно повторил я. – Лютой и страшной.

Говорить было тяжело, да и дышать тоже – переполненные кишки чувствительно потеснили легкие, так что каждый

вдох приходилось осторожничать.

– Нам надо идти.

Идти мне вовсе не хотелось. А хотелось закрыть глаза и упасть пузом кверху прямо на холодный, до блеска отполированный камень скамейки. И задремать под убаюкивающее журчание фонтанчика. Здорово гномы придумали с этими отнорками для передыха, ничего не скажешь. Удобно и эта... лирично? С Молли бы сюда...

Гном, судя по его полузакрытым глазам, чувствовал примерно то же. Но именуемое чувством долга шило в заднице не позволяло ему отвалиться и захрапеть на всю округу. Пока еще не позволяло.

– Их осталось всего три.

– Торк, а может, ну их... всего три.

– Даже один, сын Валлентайна, даже один бросить нам нельзя. Смертельное оскорбление – взять еду, чтобы выбросить... кланы в таких войнах гибли.

– Тогда... делим пополам? – Ох-хох-хо, челюстью и то было больно шевелить.

– Вот еще! – Торк даже слегка взбодрился, ну да коротышек хлебом не корми, только поторговаться за него дай. Ик. Ой, как же я обожрался-то!

– Два с половиной тебе, и полпирога, так уж и быть, съем я.

– Ну спасибо за великое одолжение! Благодетель!

– Я... – Торк осекся, угрюмо глядя на меня. Я ответил ему

тем же, и следующие пять минут мы оба грозно хмурились, пытаясь совладать с разбегающимися в разные стороны глазами.

– Ик-к!

– Ща усну.

– Не смей, ик-к!

– П-с-сч-с... ты сказал, коротышка?

Вода в каменной чаше была водой, точно – гномы бы скорее удавились, чем запустили бы вино в месте, где им смог бы налакаться кто-то сторонний. Но тогда какого... что она в эти пирожки намешала?

– Два мне и один тебе! – решительно произнес я. – Или я засыпаю.

– Шантаж...

– А ты как думал?

– Ну хорошо, – мрачно процедил гном. – Боги свидетели – нет под Горой и в Верхнем мире вещей, которые могли бы заставить меня, Торка, сына Болта, сына Шкоута, свернуть с пути Дела Клана. Я готов на все... и я съем этот пирог!

– Ты не клятвами клянись, ты жуй.

Пирожки были маленькие, свободно умещааясь на моей ладони. Впрочем, долго я смотреть на них не стал, поняв, что еще секунда-другая разглядывания – и я попросту блевану. Разинул пасть, забросил – и накрепко стиснул челюсти. Моя добыча. Не выпущу.

– И-идем.

– П-пошли, – согласно кивнул я. – В-веди меня, о, гнумс!

Сказать это и Торку, и мне было куда легче, чем сделать. Первые шесть-семь шагов меня здорово покачивало – пока я не приноровился к новому центру тяжести. Глаза все еще норовили закрыться, а вот дышать стало чуть легче.

– Нам еще далеко?

– Нет.

– Ик! В смысле, замечательно. Ой, хрень какая...

Стены очередного коридора были облицованы плитами какого-то зеленого камня, и одного мимолетного взгляда на эти веточки-прожилочки с лихвой достало на то, чтобы содержимое пуза сделало шагжок в обратном направлении.

Я посмотрел на ботинки. Гном обещал купить новые, так что это рванье не больно-то и жалко. А пол гладкий, его, если что, отмыть без труда...

Главное – смотреть только на пол. Не поднимать голову. И шагать – правой-левой, правой-левой.

Я и шагал – пока этот самый пол вдруг не взял да и не закончился.

А дальше была пропасть. Хорошая такая – дна я в ней углядеть не смог.

– Торк...

– Да перестань. – Гном явно не понимал, что стоит уже там, куда мне и смотреть-то не хотелось. – Широкий же мост, по нему кареты запросто разъедутся.

Ага. Игрушечные такие кареты, в полфута высотой и ше-

стеркой крысюков в упряжке.

– Даже перила есть, специально для таких, как ты.

– Угу, – выдохнул я. – Только перила эти мне – по колено!

– Что ж...

Торк неторопливо подошел к перильцам. Взялся за них. А дальше – дальше я не поверил собственным глазам. Он перекинул ногу через...

– Торк!

– Вообще-то я хотел всего лишь встать на ограждение, – невозмутимо произнес гном. – Это было абсолютно безопасно – двухдюймовой ширины более чем достаточно для поддержания равновесия, вдобавок...

– В растакую тебя мать, чертов коротышка! Ты хоть понимаешь...

– Может, сын Валлентайна, ты для начала все же прекратишь держать меня, словно щенка?! – перебил меня гном. – Спасибо. А теперь давай мы перенесем наш спор... потому что этот мост сделан вовсе не для того, чтобы быть перегороженным великаном!

– Извини.

Я перешел мост следом за гномом. Его сородичи – их на предмостных площадках скопилось дюжины полторы – сопровождали меня укоризненно-насмешливыми взглядами. Плевать. Я перешел этот мост. Я бы перешел его, даже будь он лезвием ножа. Потому что должен был это сделать. Потому что хоть и боюсь высоты...

...но за Молли боюсь куда больше. А Торк – мой единственный шанс.

Мы прошли очередным коридором, свернули еще два раза и очутились в здоровенной пещере, живо напомнившей мне улей сквайра Пендера, который мы с братцем Сэмом сперли позапрошлым летом. Пока я тащил его, пчелы внутри гудели точь-в-точь так же, как и собравшиеся в этой пещере коротышки. А мед из этого улья был желтый, как и тутошняя отдел...

В этот момент я краем глаза углядел, что внутри одной из настенных панелек скорчилась – нет, не пчела, а здоровенная, дюймов по пять каждое крыло, стрекоза. Остановился, тронул пальцем – холодная, твердая, гладкая...

Но это насекомое внутри явно не было рисунком, в этом я готов был держать пари с кем угодно.

– Ты чего застыл?

– Ничего... так...

Похоже, это действительно мед, который здешние карлики научились то ли магией, то ли алхимией обращать в камень.

– Мы пришли.

Торк остановился перед воротами – назвать это сооружение дверью у меня язык не повернулся. Причем ворота эти гномы, по всей видимости, сперли из какого-то древнего замка или собора. Или просто не сошлись в цене с заказчиком – опять-таки, веков десять назад, когда без хорошего

тарана ходить с визитами в гости значило проявлять неуважение к хозяевам.

– У тебя в роду китайцев не было? – неожиданно спросил гном.

– Вроде нет. А с чего вдруг?

– Не важно. – Торк еще с минуту побуравил дверь взглядом, затем глянул на потолок, пожал плечами и, развернувшись ко мне, коротко скомандовал: – Стукни!

Стукнуть? Ну, конечно, эта штука выглядит прочно, но все же...

– Торк, а-а... мне за это что-нибудь будет? – опасливо поинтересовался я.

– Будет. Я тебе спасибо скажу. Ну же...

Теперь настала моя очередь пожимать плечами. Затем я отступил на шаг, занес ногу... под ехидно-любопытными взглядами трех, нет, уже четырех гномов наклонился, подобрал отлетевшую подметку, сунул ее в карман. Взамен извлек из памяти рожу нагло скалящегося Грифа... развернулся и врезал прямой правый!

Ворота устояли. Гул, правда, начал гулять по залу, шараясь от стен и колонн, а на одной из бронзовых полос образовалась вмятина.

Я мельком глянул на кулак – так и есть, ободрал кожу о чертовы завитушки! – развернулся к зевакам, и те моментально вспомнили, что у них имеются какие-то весьма важные делишки в иных местах.

На Торка, впрочем, мой вид никакого пугающего впечатления не произвел.

– Действуй аккуратней, – проворчал он. – Это далеко не последняя дверь, сын Валлентайна, которая будет стоять на нашем с тобой пути.

– Мне стукнуть еще раз?

– Подожди. Надо же дать им шанс.

– Как знаешь...

Знал Торк неважно. Его терпения хватило минут на пять, а затем он решительно шагнул вперед и – БАМ!!! Гном действовал так стремительно, что выхватывание топора, замах и удар в прыжке слились для меня в сплошную размытую полосу. Раз – и в бронзе рядом с моей вмятиной появляется еще одна, от обуха топора... и глубже.

– А если они даже и теперь не откроют? – шепотом осведомился я.

– Тогда ударим вдвоем, – пообещал гном и улыбнулся, как мне показалось, скорее зловеще, чем радостно.

В этот момент за воротами начали греметь засовом.

Поправка – засовами! Судя по доносившемуся лязгу, засовы эти шли снизу доверху. И каждый был длиной если не с железнодорожный рельс, то уж со шпалу – практически наверняка. А когда скрежет и лязг поднялись выше моей головы, я окончательно приготовился увидеть за дверью кого-то вроде тролля...

...и потому изрядно удивился, когда из приоткрывшихся

ворот появился всего-навсего очередной гном.

– Шего надо? – прошамкал он.

– Советник Крипп ждет меня.

– Ась? Шего ты сказал?

Только сейчас я наконец-то сообразил, что гном-привратник не был «очередным гномом». Он был не просто стар – этот гном был чертовски дряхл. Лицо его запросто бы заставило грецкий орех треснуть напополам от зависти, а наряд из черного бархата на добрых три четверти состоял из пыли. Наверное, он даже мог быть ровесником ворот – и в этом случае ворота сохранились не в пример лучше.

По крайней мере, до нашего с Торком визита.

– Советник. Крипп. Ждет. Меня.

– Дя? – Судя по тому, как привратник всматривался в Торка – наклонив голову и чуть повернув ее влево, – старикашка был еще и подслеповат. А судя по невнятному бормотанию – выжил из ума века полтора тому обратно.

Впрочем, среди людей я видел и таких, которые в сорок лет выглядели похуже этого гнома. Некоторые своим видом запросто могли б испугать даже зомби.

– А хто ты есть?!

– Советник. Крипп. Ждет. Меня, – в третий раз повторил Торк, и по тому, как уже знакомым для меня движением прошлась вдоль топорща его рука, я понял: четвертого раза не будет.

Что-то в этом роде сообразил даже старикашка, который

развернулся к воротам и визгливо проорал:

– Хюмя!

Ворота приоткрылись еще на пол-ярда. Оно и не удивительно, потому как следующий появившийся из-за них гном был... ну, если первый был самым старым из виденных мной коротышек, то второй – самым широким.

И самым вооруженным, мысленно добавил я, когда Хюмя вышел целиком. Топор, кобура с револьвером, тесак, вторая кобура – это только на поясе. А еще – счетверенный арбалет, небрежно болтающийся на плечевом ремне... взведенным. Плюс два приклада, торчащие из-за плеч, и на сладкое – перевязь с кармашками для метательных ножей.

Коротышка явно приготовился драться как минимум с половиной воинов Союза Племен и всей кавалерией Джеба Стюарта⁶ в придачу.

– Пришмотри за ними. – Старикашка махнул своей костлявой лапкой куда-то вдоль коридора. – А я пойду, доложуся.

Если Хюмя и понял сказанное, то мастерски сумел не показать это самое понимание. Он просто стоял перед нами, и на пространстве между бородой и почти столь же лохматыми кущами бровей лично я при всем желании не мог рассмот-

⁶ Генерал Джеймс Юэлл Браун Джеб Стюарт, в ходе Гражданской войны командовал кавалерией армии Северной Вирджинии. К середине 1863 года под его началом в составе семи бригад сражалось примерно 10 000 кавалеристов. По словам южного кавалериста, одной из причин безграничной преданности солдат Джебу Стюарту было то, что: «Джеб никогда не командовал «Вперед!» – только «За мной!».

реть хоть чего-то напоминающего мысль. Или хотя бы проблеск мысли. Вот сходства с боровом – сколько угодно!

– Мы что, так и будем торчать здесь, словно мэллорн посреди Сахары? – Яда в голосе Торка с лихвой достало бы на дюжину гадюк.

– По-моему, он глухой, – полминуты спустя тихо сказал я.

– Тогда чего ты шепчешь? – так же шепотом отозвался Торк. – Нет, он точно не глухой – вспомни, он ведь расслышал, как его позвали. Скорее уж он немой или просто иди...

– Я не глухой, не немой, и уж тем более – не придурок!

Ба! Оно говорит!

– Надо было дожидаться, пока старый гриб Никсл дотащит свои колоды до двери в кабинет советника, – с ноткой обиды пояснил Хюмя, отходя в сторону. – Вот я и вслушивался в его шарканье. Заходите скорее.

Повторять дважды ему не пришлось – Торк буквально запрыгнул внутрь, я шагнул следом...

– Осторожно, стремянка... справа.

– Поздно, – уныло констатировал я, поднимая вероломную лестницу с пола. – Она уже набросилась на меня.

– Вам надо модифицировать систему. – В устах Торка это прозвучало куда более похоже на приказ, чем на совет заморского гостя. – Чтобы работать со всеми засовами одновременно.

– Надо. – Хюмя с тоской оглянулся на верхние засовы. – Но советник Крипп не очень-то любит новшества.

– Помочь?

– Ох, мистер, был бы вам крайне признателен! – с горячностью отозвался Хюмя. – А то ж я с этой штуки только за эту неделю три раза падал. Да какое там падал! Летал! Верзился!

– А что, – лицо Торка в какой-то момент вдруг сделалось заострившимся... хищным, – масло для петель советник Крипп тоже числит по разряду новшеств?

– Масло для петель советник Крипп числит по разряду расходов, – вздохнул приворотный оружейный склад. – И-эх, да если бы только масло. Тут же всю механику давно уж перебирать пора... чинить...

– Заменять! – Мой наниматель произнес это, глядя на гномов – множество гномов, стоявших в нишах по обеим сторонам зальчика. То ли ваял их всех один и тот же камнетес, то ли они впрямь при жизни выглядели такими... одинаково угрюмыми.

– Ковер бы хоть подстелили.

– Ковер? – недоуменно переспросил Хюмя. – Зачем?

– В качестве эстетического противовеса, – буркнул Торк. – И во избежание.

Что такое «эстетический противовес», я представлял даже и не смутно, а просто никак. Хюмя, судя по всему, также ощутил себя не в своей миске – и попытался сменить русло беседы.

– Слушай, а что это за история с мэллорном? Ну, ты в

коридоре еще сказал – мэллорн посреди Сахары.

– Сказал.

– А разве в Сахаре есть мэллорны?

– Был. Один.

Гарри и Салли

– За нами нет погони.

– Ты-то откуда знаешь? – проворчал Салли.

На самом деле толстяк очень бы хотел поверить зеленошкурому. Пятнадцать миль по бездорожью способны притупить даже страх перед виселицей. Но вот так запросто поверить нелюдю?

– Если бы за нами гнались, то давно б уже настигли.

– Он прав, Салли, – донеслось из-за кустов. – Должно быть, эти олухи деревенские и впрямь купились на сказочку о заразном проклятии.

– Проклятии, да... – Помрачнев, Салли огляделся по сторонам, подпрыгнул и с яростным воплем «Ай-йя!» начал пинать лопухи на краю поляны. После третьего пинка тоналность воплей сменилась – один из лопухов прикрывал небольшой валун.

– Ой-ой-ой, моя ноженька...

– Психовать меньше надо, – прокомментировал Гарри. – Тогда и ноги будут целее.

– Да ты... ты...

– У тебя шила нет? Или хотя бы ножа?

– Нет. – От удивления толстяк даже перестал скакать по поляне. – А зачем тебе?

– За этим! – Шулер вскинул правую руку, продемонстри-

ровав своим спутникам кожаный ремень – широкий, с серебряными заклепками. Второй рукой он продолжал удерживать штаны.

– Этот парень, сдается мне, был раза в два толще Салли. Пока я сидел верхом, было ничего...

– Ты ведь, – напомнил Трой, – забрал из стола еще и подтяжки.

– Подтяжки, – Гарри брезгливо сморщился, – это не мой стиль.

– А ходить со спадающими штанами?

– Да пошел ты...

– Я уже давно пошел, – невозмутимо отозвался тролль. – Кстати... что вы намерены делать дальше?

В этом вопросе у компаньонов наблюдалось исключительное для них единодушие.

– Найти чертова ниггера! – рявкнул шулер.

– ...и вытряхнуть из него все дерьмо, – пискляво добавил Салли.

Троль зевнул.

– Говоря «чертов ниггер», вы имеете в виду проклявшего вас чернокожего волшебника? – уточнил он.

– Совершенно, мать его растак, верно! – выдохнул Гарри. – Говоря «чертов ниггер», я подразумеваю одну конкретную чернозадую макаку по кличке Старый Снап. Все прочие ниггеры могут преспокойно вкалывать на плантациях, драпать на Север, получать свободу из рук обожаемого ими

массы Линкума, уплывать обратно в свою Африканию или же проваливаться в ад! Но этот...

– Он заплатит нам, – всхлипнул толстяк. – За все заплатит, да.

– Что ж...

Следующие действия тролля повергли двух мошенников если не в шок, то уж точно в глубочайшее недоумение. Аккуратно сняв с плеча сумку, их новый зеленошкурый приятель вытянулся на траве и, заложив лапы под голову, принялся очень внимательно и сосредоточенно изучать небосвод.

– Э-э-э... кха-кха, ты там что-то важное разглядеть пытаешься?

– Что? А, нет-нет. Мне, – тролль мечтательно вздохнул, – просто нравится смотреть на облака. Особенно такие, как сейчас, – легкие, пушистые и снежно-белые. Напоминают мне наших барашков. Когда я лежу достаточно долго, то начинаю даже слышать, как они там, в небесах, переговариваются между собой: бе-е-е, бе-е-е. А вы никогда не пробовали смотреть на облака?

Толстяк и шулер озадаченно переглянулись.

– Ну, – неуверенно начал Гарри, – разве что в детстве... – Тут он опомнился, подскочил к троллю и, брызгая слюной, заорал: – Какого, орк тебя перетрах, черта ты здесь разлегся?!

– А что, ты хотел бы лежать непременно тут? – удивленно спросил Трой. – Мне казалось, поляна такая большая, места

много...

Шулер медленно покачал головой:

– Лучше не зли меня, зеленый, лучше не зли...

– Если ты объяснишь мне причины твоего раздражительного состояния...

– Троль! – Гарри скрипнул зубами. – Всего пару часов назад, на холме, ты, мра... ты заявил, что хочешь идти с нами. «Продолжить свое дальнейшее путешествие в вашем обществе». – Гарри развернулся к напарнику: – Так он сказал, а, Салли?

– Вроде так, – неуверенно произнес толстяк. – Но...

– Именно так, – одновременно с ним отозвался Трой.

– И какого же тогда...

– Один вопрос! – резко произнес тролль. – Вы двое и в самом деле настолько хороши, чтобы преуспеть там, где не добились успеха церковная комиссия?

– Э-э... ну...

– Уел. – Гарри сел на траву и, схватившись за голову, устался на желтые кружки одуванчиков. – Меня уел тролль! Интересно, кто сошел с ума – я или весь остальной мир?

– Вам определенно следует ознакомиться с работами сэра Ньютона.

– Я... – Шулер замолчал и, чуть наклонившись вперед, начал еще более пристально вглядываться в одуванчики.

– Гарри, но что же нам делать? – жалобно спросил Салли десятью минутами позднее, сообразив наконец что ни

тролль, ни шулер прерывать созерцательный транс не намерены. — Я хочу... то есть я хотел сказать, что не хочу до конца своих дней изображать монаха. Да и ты, думаю, тоже не жаждешь... в смысле, не желаешь быть самым примерным членом общества трезвости.

Гарри медленно поднял левую руку и вытянул ее в сторону Троя:

— Спроси у него.

— Гарри, но...

— Спроси! У него!

— Э-э... ну ладно... гхм, э-э... зелено... э-э... мистер тролль...

— Можете называть меня просто Трой.

— Да, с-спасибо... э-э... мистер Трой, у вас имеются какие-нибудь... э-э... соображения? Относительно... э-э... текущего момента.

— Я уже сказал вам. Облака сегодня очень похожи на барашков.

На переваривание и осмысление сказанного троллем у Салли ушло минуты две.

— Гарри, Гарри, — зашептал он, придвинувшись к напарнику, — по-моему, этот нелюдь издевается надо мной.

— Во-первых, — сухо произнес шулер, — перестань жужжать себе в усы. У троллей превосходный слух, и мистер Трой сейчас наверняка слышит, как скачут блохи по твоей рубашке. Во-вторых...

– Я не издеваюсь.

– ...он не издевается.

– И блох я тоже не слышу.

– Ты просто задал не тот вопрос, приятель. Попробуй еще раз.

– Ну... – Толстяк озадаченно поскреб макушку. – Э-э... мистер Трой, а что вы скажете насчет дальнейшего?

– Дожда сегодня не будет.

– А-а... кхм... ну-у... как бы... что-нибудь... э-э... Какие шаги вы посоветуете предпринять нам с мистером Стикманом?

– Не знаю, – задумчиво произнес Трой. – Я ведь не знаю, кто такой мистер Стикман.

– Это я так зовусь, – процедил шулер. – Иногда. В последние два года.

– Теперь понимаю. Просто я думал, что ваша фамилия Уэсли.

– Да растак-твою-перетак! – разом выпав из оцепенения, взвыл шулер. – Ты-то откуда узнал?!

– У меня хороший слух. – Тролль моргнул. – А пока вас тащили от бара, вы проорали ее не меньше пятнадцати раз.

– А? Так... Еще что-нибудь я орал?

– Конечно же. Мне перечислить?

– Обойдусь. – Гарри медленно встал... потом еще более замедленно наклонился, подтянул спавшие штаны... – Схожу примеру подтяжки, – доверительно сообщил он цветам. –

Может, это и впрямь хорошая идея.

– Э-э... Гарри, постой, а как же...

– А ты продолжай, продолжай, – меланхолично сказал шулер. – Уверен, ты на правильном пути. Еще чуть-чуть, и ты дойдешь до того, что я посоветовал тебе еще вначале.

– Ты? Посоветовал мне?!

– Вспомни, с чего начался этот разговор.

– Ну, – замялся Салли, – я ушиб ногу...

– А если подумать?

– Ну, я спросил... а ты махнул рукой. – Не договорив, толстяк ошеломленно уставился на тролля. Открыл рот. Закрыл рот. Повторил это еще два раза. – Э-э-э... мистер Трой... а-а-а... вы, случаем... случаем, не знаете, что нам следует предпринять дальше? – наконец выпалил он.

– Мне видится наиболее разумным начать выполнять заключенное соглашение.

– С ниггером? Черт, а про это... впрочем, – добавил шулер, глядя на заливающегося краснотой Салли, – кажется, догадываюсь. Ты все разболтал на ихнем паршивом суде, верно, трусливая рожа?

– Но, Гарри, послушай, они ведь собирались меня повесить. Ты представляешь, нет, ты не представляешь, ты даже не можешь себе пре...

– Заткнись, – устало бросил шулер. – Меня должны были вздернуть рядом с тобой, неужели ты и этого не помнишь? Впрочем, – безнадежно добавил он, – ты вечно забываешь

то, что не касается напрямую твоей драгоценной персоны.

– Гарри, ну зачем ты так...

– Заткнись и дай Трою, мистеру Трою, договорить.

– Но ты же сам его и пере...

– ЗА-МОЛ-ЧИ!!!

– Собственно, – негромко заметил Трой, – я уже высказал свои соображения.

– Ты не сказал, с чего эти соображения завелись в твоей башке.

– Ну, мне эта логическая последовательность кажется элементарной. Старый колдун...

– Старый пердун...

– ...нанял вас для похищения своей внучки. Если не принимать в расчет версию, что было проделано лишь для того, чтобы проклясть двух случайных прохожих... – Трой сделал паузу. – А мне этот вариант представляется весьма сомнительным.

– Почему?

– В человеческой магии я, к сожалению, разбираюсь не очень...

– Мне б такое «не очень», – завистливо пробормотал Салли.

– ...но весьма похоже, что ваши проклятия – это весьма долго, кропотливо и тщательно составленные заклинания. Причем составленные так, чтобы снятие их другим представителем магического сообщества обошлось максимально

недешево.

– Угу, – согласно кивнул Гарри. – А с учетом того, что идет война и две трети магов подгрело правительство, а оставшиеся с радостным визгом задрали цены до заоблачных высот... ладно, валяй дальше.

– Конечно, – продолжил тролль, – маги порой способны на малопонятные простым смертным поступки.

– Психов среди них навалом, это уж точно.

– Но мне кажется, что эти заклятия сотворены именно с целью заставить вас исполнить свою часть договора, – закончил Трой.

– Так оно и есть, скорее всего, так оно и есть. – Шулер с очень задумчивым видом достал из воздуха колоду карт и принялся раскладывать их в траве перед собой. – Проклятый старый хрен крепко взял нас за глотку. Не отвертеться.

– Гарри, ты хочешь сказать, что нам придется... придется...

– А почему, собственно, вы так сильно не хотите выполнять свои обещания? – спросил Трой.

Мошенники вновь переглянулись.

– Гарри, я же говорю, этот нелюдь издевается над нами.

– Не так быстро.

Шулер внимательно изучил последнюю оставшуюся в руке карту – бубнового туза. Повернул ладонь – карта при этом исчезла – и удостоил столь же пристального взгляда свои ноги. Вдохнул, раскрыл нож и принялся вычищать из-под них

грязь.

– Быстро?

– Не спеши с выводами, Салли, – пояснил Стикман-Уэсли и, после короткой паузы, насмешливо добавил: – Разве до тебя еще не дошло, кто самое разумное существо на этой поляне?

– Но, Гарри, – растерянно выдохнул толстяк. – Это же тролль. Самый обыкновенный тролль.

– Верно. И знаешь что, старина? Некоторое время назад я вдруг понял, что мои познания о троллях нуждаются в этой... как там бишь ее...

– Корректировке?

– Именно. Спасибо за подсказку, мистер Трой.

– Можно просто Трой, – кротко произнес тролль. – Я не люблю, когда меня зовут длинно.

Трой

– Трой, а дальше?

– Просто Трой. – Тролль вздохнул. – Я не люблю, когда меня зовут длинно.

Если сержант-вербовщик и заподозрил что-то, на его лице это подозрение никак не отразилось. Впрочем, тянувшийся от уха до подбородка след удара орочьего томагавка не очень-то способствовал активности мимических мышц.

– Возраст?

Трой задумался. На этот вопрос имелось два варианта ответа, и оба, как он понимал, имели недостатки. Если просто назвать вербовщику число прожитых зим, сержант может счесть его слишком старым. Но если применить к вышеуказанному число «расовый коэффициент»... такого юнца, скорее всего, отправят домой к мамочке.

– Скажите, – осторожно произнес тролль, – а какой возраст считаете наиболее подходящим для меня вы?

При этих словах сидевший позади сержанта молодой офицер-кавалерист выронил перо и звонко расхохотался.

– Да перестань ты мучить бедолагу, Гастингс, – выдавил он сквозь слезы. – Пусть шлепнет пальцем и топает себе с миром... на войну, ха-ха!

– Сэр, но есть установленный порядок, и он един для всех.

– Брось, сержант. Когда ты на Стикс-ривер первым из эс-

кадрона влетел в толпу гобла, много ты думал об установленном порядке?

Сержант промолчал, а офицер, чуть погодя, добавил тоном ниже:

– Если этот парень хочет влезть в чужую драку, не стоит ему мешать.

– Это приказ, сэр?

– Приказ? – задумчиво повторил офицер. – Нет, Гастингс. Это... жизненное наблюдение.

Трой вслушивался в их диалог, затаив дыхание и боясь даже пошевеливаться. Сама мысль о том, что более юная особь может руководить старшим, была для троллей... а... а... тут даже человеческое понятие «революционный» не подходит, с досадой подумал тролль. А уж говорить об идее, что жизненный опыт упомянутой юной особи в иных ситуациях может оказаться полезнее воспоминаний давно минувших Эпох...

Он вспомнил последнее Собрание, на котором, собственно, и решился вопрос его путешествия. Сумрак Большой Пещеры, чадный треск факелов, слитный гул множества голосов – не так уж часто удается встретить столько знакомых сразу, и это вдвойне справедливо для стариков, которые уже давно не «легки на подъем», как говорят люди. Тех, кто говорил спокойно, размеренно, взвешивая каждое произносимое слово, было много. Но и других тоже хватало – рычавших на всю пещеру, брызгавших слюной и через раз призы-

вавших Духов Почивших в свидетели своей правоты.

«В чем-то, конечно же, они были правы, – подумал Трой, замороженно глядя, как в такт причудливому танцу белого скрипучего пера на белом листе возникают чернильные узоры букв. – Наши предки жили в этих горах с тех времен, когда Мир едва только вылупился из Первого Яйца. Так говорят старики, и там, в горах, нет иного знания – это я теперь могу рассуждать об отступившем леднике...

Они были правы – по-своему, но я очень рад, что тогда в Большой Пещере нашлись и другие. Тоже далеко не юнцы – из поколения Троя на Собрании не было никого, да и из поколения его отца тоже – они помнили, как племена равнин впервые принесли в горы слух о неведомых доселе существах, явившихся из-за Большой Воды. Они помнили, как дружно сочли этот слух нелепой выдумкой, помнили, как появлялись все новые и новые слухи – будто весенние ручейки на склоне. *Новое* пришло в этот Мир, прочно обосновалось в нем и явно не собиралось исчезать – вне зависимости от мнения жителей гор. Оно пришло даже в горы – стальными ножами, яркими тканями... баранами...

– Вот, прочитай и... – сержант искоса глянул на тролля, хмыкнул, – и приложи свой большой палец сюда, где пятно розовое.

Трой благоразумно не стал объяснять, что не только может прочесть свой контракт, но и уже проделал это – писарь из сержанта был не ахти какой, и ближе к концу листа тролль

начал различать выписываемые буквы по звуку.

* * *

– Ну как прошло? Все путем?

– Да, Салли, все прошло путем. – Тролль огляделся по сторонам... поддел ногтем нашлапку фальшивой кожи... той самой, которая только что подтвердила согласие некоего тролля поступить в ряды доблестной армии Союза.

– Только не вздумай с ней ничего делать, – быстро произнес толстяк. – Она тебе еще пригодиться может, да и вообще... симпо... симпа... ну, эта волшебная связь, она штука тонкая.

– Спасибо, что предупредил.

– Да ладно. – Салли сдвинул кепи, так что смотревшему сверху вниз Трою из-под козырька стал виден лишь кончик носа. – Мы ж теперь вроде как одна шайка. Ну, по-вашему это племя будет.

Тролль молча нагнулся и, подняв небольшой черный камень, кинул его в сумку.

– Ты это чего?

– Для памяти, – ответил Трой. – Каждый раз, когда я буду видеть этот камень, буду вспоминать, что тебе надо объяснить разницу между племенным делением жителей равнин и родовым строем у нас, горцев.

– А-а-а...

– Где Гарри?

– Работает. – Толстяк указал на самый дальний в ряду би-уачный костер, рядом с которым полтора десятка Билли-янки⁷ собрались в тесный кружок.

– Кажется, – задумчиво сказал тролль, – ты советовал ему воздержаться от его «работы».

– Разве он когда-нибудь слушает мои советы, – печально отозвался Салли. – Разве их вообще кто-нибудь слушает? Конечно, будь во мне двенадцать футов роста и умение остановить бизона щелчком промеж рогов...

– По-моему, ты не совсем прав, – мягко возразил Трой. – Дело лишь в том, как аргументировать свою точку зрения, сила же аргументов не зависит...

– Еще как зависит! – перебил его толстяк. – Не знаю, как с этим у троллей, но в людских спорах главный аргумент – это кулак! У кого сильнее кулаки – у того и правда!

– Но ведь это совершенно не взаимос... Салли?! Почему ты смеешься? Что такого я сказал?

– Ох, парень! – С трудом разогнувшись, толстяк ослабил ремень, искоса глянул на тролля... – Знаешь, Трой, – весело сказал он, – может, конечно, Гарри прав и ты в самом деле умнее нас обоих, причем в три раза, но кое в каких делах ты сущий щенок. Пойдем, я прослежу, чтобы здешний пройдоха-кашевар не зажал три четверти твоего ужина.

⁷ Одно из жаргонных именований солдат-северян, аналогичное прозвищу Джонни-реб для конфедератов.

– А как же...

– Малыш, послушай... – Толстяк, уже подняв руку, запоздало сообразил, что положить ее на плечо Троя мог бы только будучи верхом, и ограничился похлопыванием по более доступной ему части – бедру. – Мы едем на войну. А это, можно сказать, апофигей «правила кулака»... или апофеоз? В общем, – закончил Салли, – очень скоро ты в досталь сможешь наглядеться на то, как люди решают споры меж собой.

Найр

Мне пришлось отшагать не меньше пяти миль. Лучше бы я их пробежал... впрочем, что бы от этого изменилось? Проблему грязи не решило бы точно.

В грязь – коричневую, вязкую и отвратительно чавкающую, – в эту ненавистную субстанцию дорогу превратили лошади. Военные лошади. Кавалерия. Было их не так уж и много, неполный полк... но дорогу они своими копытами перемолотили основательно.

Кому из людских военачальников пришла в голову гениальная мысль сманеврировать своей конницей именно в этот день и по этой дороге, я, к величайшему сожалению, не знал. Но хотел узнать. Более того, я намеревался предложить его противникам одну крайне выгодную для них сделку.

«Эльфы в грязи»... эта картина висела в обеденном зале нашего родового замка. На ней был изображен отряд Фингольфина. Тот самый, поход которого Эпохой позднее стал примером для греков с их Анабазисом. Отряд был изображен где-то на полпути между Валинором и Белериандом, поэтому в небесах маячили черные тучи, рассекаемые дюжиной молний одновременно, также одновременно на несчастных эльфов сыпался град, снег и дождь, а под ногами была она... грязь!

Если бы то детское заклятье можно было сделать посто-

янным!!!

Домик Ральфа Лесли стоял за пределами городской черты – мелкий провинциальный целитель и, по совместительству, один из лучших специалистов этого континента в области трансмутационной магии вовсе не нуждался в любопытствующих соседях. Ральфа куда больше заботила конфиденциальность его гостей... а гости у него бывали разные.

Маленький веселый двухэтажный домик, в пастельных тонах, с деревянными, литыми и каменными зверушками всюду, где только хозяин смог их приткнуть – словно мухи обсели, – в котором живет маленький смешной коротышка, всегда готовый угостить забежавшую ребятню парочкой леденцов. Со зверушками, по-моему, Ральф изрядно переборщил. Возможно, то, что изначально планировалось как элемент маскировки, позднее выродилось в манию коллекционера.

Я чуть удивился, что сквозь ставни не отсвечивало даже крохотной искоркой. Обычно Лесли предпочитал работать по ночам, да и основная масса его визитеров тяготела к темной стороне... суток.

Потом я почувствовал запах. Улыбнулся – и распахнул дверь, уже заранее зная, что увижу.

Внутри домика безраздельно царил разгром. Проломленные стены – судя по форме дыр, сквозь них кем-то долго и очень целе... гм, целеустремленно швырялись. В потолке преобладали отверстия иного рода – круглые или овальные, с оплавленными краями... вражеский файербол всегда нуж-

но стараться отражать вверх, одна из основных заповедей магического поединка.

Ральф, чертов идиот, во что ты ввязался?

Внутри запах был намного сильнее, он пьянил, кружил голову, словно аромат крови – вампиру. Кровь, к слову, была в числе его составляющих – вместе с горечью гари, резким вкусом алхимии, едким потом и страхом.

Вкус хорошей драки – что еще надо для счастья темному эльфу?

Я отпустил дверь, и она вначале медленно, а потом все больше ускоряясь, начала стирать лунный свет под моими ногами.

– В приличных домах принято, чтобы хозяева выходили навстречу гостю.

Думаю, они бы поднялись и так. Из-за опрокинутого книжного шкафа, груды ткани и деревяшек, еще недавно бывших диваном... третий, оказывается, стоял просто у стены, прикрытый иллюзией. Они бы все равно поднялись, ведь даже зрению темного эльфа требуется время на привыкание к темноте. И они решили, что это время будет – для них!

– Что, – мое удивление было почти не притворным, – и это *все*?

До этого момента они двигались молча, в почти абсолютной тишине – ни скрипа кожи, ни лязга извлекаемых из ножен клинков, ни хруста мусора под сапогами. Будто в смертельный волчий полукруг меня замыкали призраки с застыв-

шими белыми масками вместо лиц, а не существа из плоти и крови. Но после моих слов губы у маски справа дрогнули, выпуская наружу звук, больше походивший на змеиное шипение, чем на речь:

– Тебе х-хватит.

– Удивительная самонадеянность. – Сделав полшага назад, я аккуратно прислонил к двери трость. – С учетом избранной вами профессии, как вы еще живы?

Ответом на этот вопрос меня не удостоили – покачивание меча я бы не смог засчитать за таковой даже при большом желании.

Трое. Однажды против меня вышли пять охотников на вампиров. Тогда я...

...тогда я развернулся и убежал.

– И потом, – неторопливо расстегивая сюртук, продолжил я, – трое на одного – это ведь не совсем честно. Может, уравняем шансы?

Должно быть, я выглядел в их глазах сущим безумцем – драу, рассуждающий о честности перед охотниками. Когда же я достал из-за спины небольшой револьвер, то заработал ярлык безумца вдвойне.

Такой вот пукалкой двадцать второго калибра уложить охотника за вампирами можно лишь в одном случае – если он замотан цепями, как мумия фараона. Пока лениво ходит назад-вперед курок, пока разгораются пороховые зерна, пока свинцовая капля проползет сквозь тугой воздух... целая

вечность, за которую незадачливого стрелка давно уже изрубят даже не на отбивные – в фарш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.